

Это личное!

Светлана Волкова соавторы

*Когда герои твоего романа
превращают жизнь
в настоящий кошмар*

Светлана Васильевна Волкова

Соавторы

Серия «Это личное!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67338549

Соавторы: [роман] / Светлана Волкова: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-145668-9

Аннотация

Две юные блогерши решают стать соавторами и написать роман в жанре психологического триллера. Для достоверности они ищут персонажей в социальных сетях. Но ни главная героиня Маша, ни её соавтор Белка не догадываются, насколько жизнь тесно переплетётся с их текстом и повлияет на их судьбы. Человек, выбранный случайным образом как прототип злодея, всё больше привлекает Машино внимание...

Содержание

1	4
2	21
3	76
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Светлана Волкова

Соавторы

1

Я боюсь пустых чашек. Не до смерти, конечно, но... Румяным здоровым людям такое сразу и не объяснишь. Вот если на столе в кухне стоит чашка, мне жизненно – просто *жизненно* в прямом смысле слова – необходимо, чтобы в ней было хоть что-нибудь, закрывающее её идеальное дно: чай, – лучше кофе, – или, на худой конец, обыкновенная вода. Даже скрепка подойдёт. Иначе я задыхаюсь, как хронический астматик: у меня синдром со сложным названием, но не сильный, а так, пара заскоков. Бывает и похуже. Ему, моему синдрому, всего пара лет, и с ним вполне можно жить. Я даже ходила к дорогущему психиатру, он долго бубнил про какие-то повторяющиеся бихевиоральные репертуары, обсессивно-компульсивное расстройство и прочую мутотень, но я поняла лишь одно: жить можно, если чашки НЕ пустые. Тогда я нормальный человек. Если чашки пустые – мне не вздохнуть, не выдохнуть и физически больно. Вот и всё. Мне для счастья надо всего три вещи: первое – чтобы меня все оставили в покое, второе – чтобы дали заниматься тем, чем хочу, и третье – да, чтобы чашки...

Белка купила чёрные квадратные кружки. Это на случай, если вдруг мы забудем плеснуть в них чего-нибудь – пустота не сразу станет заметна. Белка милая, заботится обо мне как может, но не понимает, что мозг-то не обмануть. Он – мозг – теперь натренирован, и чёрные ёмкости для него как триггер: только войду в кухню, глаза помимо воли сразу сканируют всё вокруг, а где-то в затылочной части уже ноет: чувствую, что в кружке ничего нет, даже сквозь её толстые стенки.

С родителями я не живу уже около трёх лет – с тех пор как окончила школу.

Они всегда разговаривали со мной другим голосом – растягивая слова, как будто я ненормальная. А я нормальная. Вот Белка это понимает. Если бы не она, мне было бы сильно плохо, и мой фарфоровый мир раскололся бы на треугольные осколки, которые я собирала бы в настоящей психушке. Белка подобрала меня в мои самые чёрные дни, когда жить не хотелось; когда мой парень Лёша сказал, что между нами был только дружеский секс и ничего более; когда маячило отчисление из института; когда квартира, которую мы снимали с двумя однокурсницами, стала мне настоящей тюрьмой, а возвращаться из Питера в Екатеринбург к родителям было равносильно персональной Голгофе; когда я выла по ночам и соседки по комнате, начитавшись дряни в интернете, заворачивали меня в мокрую простыню, понимая под такой карательной психиатрией первую помощь, а затем отпа-

ивали меня водкой, потому что барбитуратов под рукой не было.

Вот тогда, у дверей деканата моего факультета прикладной математики, она подошла и сказала:

– Привет, ты Маша Келдыш? Я читала твой блог в сети. Хорошо пишешь.

Потом, не дав мне ответить, тряхнула угольной чёлкой и продолжила:

– Отчислили?

Я кивнула, скаламбуривав что-то про то, что мой прикладной факультет жажнул меня прикладом по голове. Она даже не улыбнулась, только сказала, немного помолчав:

– Есть идея.

В тот же день я переехала к ней. У нас на двоих крохотная съёмная квартира в Рыбацком, один диван и одна раскладушка, которыми мы меняемся каждую неделю, чтобы не убить спины. И пять книг за два с половиной года.

Мы с Белкой соавторы.

Общего у нас оказалось невероятно много (кроме моего заскока с чашками, конечно). Мы обе пошли в свои школы в шесть лет. Так получилось: Белка – потому что садик в Сланцах закрылся, и её не с кем было оставлять; а в школе – продлёнка, и можно не беспокоиться о том, что дитё шастает одно по улицам. А я – потому что к шести годам знала наизусть

все буквари и учебники за начальную школу. Я вундеркинд. Но ленивый и своенравный. Родителей я измучила характером, бабка вообще отказалась со мной сидеть, вот меня и «сдали» в школу для таких же лобастых. В классе оказались одни придурки. У Белки, кстати, тоже. Я думаю, мы начали писать фэнтези отчасти и потому, что детство наше закончилось в шесть лет. Мы обе не доиграли, недохныкали, недокапризничали, недопускали слюнки на воротнички и недоступали лопаточками по голове сопливых сверстников в песочницах. Теперь вот стучим по головам читателей. То, что нас угораздило выбрать один институт – большое маленькое чудо: иначе мы бы не встретились. Я поступила в шестнадцать лет, Белка в семнадцать. У нас разница в возрасте четыре года, и к моменту моего поступления Белка уже имела в кармане диплом бакалавра и штурмовала магистратуру. Белка умница: поставила себе цель её закончить – и закончит, даже спорить нечего. А я слетела с первого курса – из-за лени, инертного дебилизма и той истории с парнем. Сейчас я учусь в другом вузе и о своей прикладной математике вспоминаю с адекватной иронией и без ностальгической икоты.

Ещё у нас с Белкой одинаковые вкусы в еде. Мы обе любим сырники и борщ. Пища не диетическая, конечно, но невероятно вкусная. А талия ничуть не страдает: у нас иногда бывает такое безденежье, что мы делаем бутерброды с огурцом, и счастливы как идиотки. Белка говорит, что, когда мы сможем прокормиться одной литературой, тогда и раз-

жиреем. Нарочно разжиреем, в контрпамять о наших первых голодных писательских годах.

А вот в одежде у нас вкусы разные. Я люблю хиппозное, хотя умники утверждают, что, когда из-под пятницы торчит суббота, пёстрое сверху и много длинных бус – это стиль бо-хо. Я – королева винтажных барахолок. А Белка любит носить всё чёрное, от трусов до шапки. Ей идёт. Я подарила ей цветастую футболку с принтом из «Игры престолов», она поносила её день, потом бросила в стиральную машину вместе с остальными шмотками. А так как остальные шмотки чёрные, то и футболка полиняла, конечно. Белка демонстративно охала, но, я думаю, то был спектакль для меня, а на самом деле она намеренно так сделала, чтобы всё у неё чёрным оставалось. Ну и ладно. Я не приставала к ней. Она не гот, не эмо, просто вкус у человека такой. А вообще, Белка светлая личность. Светлее меня раз в сто. И пишет, кажется, лучше, хотя призналась мне, что завидует моему таланту. Говорю же, светлая.

А ещё у Белки есть тайна. Какая – не говорит. При том, что секретов друг от друга у нас нет, право Белки на тайну я никогда не оспаривала. Даже немного завидовала ей – у меня вот никакой тайны нет, я примитивна и пресна. В общем, не будь я такой загнанной своими проблемами и переклином с пустыми чашками, я бы тоже придумала себе какой-нибудь наворот. Например, что мой биологический отец – бывший министр обороны Мьянмы, сгноённый подлой хунтой в сы-

ром каземате стольного града Нейпидо за разделённую народную любовь. Но в зеркале я вижу не смоляные волосы и раскосые индокитайские глаза, а пугливую мордочку среднестатистической русской тиражности, с обычными серыми глазюками, русым вороньим гнездом на голове и таким скучным славянским носом, что о загадочной Мьянме и мечтать нечего. К тому же, мой биологический папаша, сваливший от матери, когда я была совсем ещё пупсом, не харизматичный восточный силовик, а тихий екатеринбургский пьяница. В общем, тяжело у меня с тайной. Пусть хоть у Белки будет. Когда-нибудь она не выдержит и сболтнёт, я её знаю, и окажется, что она какая-нибудь Фея Драже или что у неё в биографии семь загадочно умерших мужей – разной национальности, роста и веса, но все как один с родинкой на левой ягодице (для тайны).

Ещё Белка пахнет зелёным яблоком и корицей, и когда я чувю этот запах где-нибудь вне дома, то моментально добрею, даже если зла. Как будто Белка рядом. Значит, всё хорошо. А сама я ничем не пахну. Разве что детским мылом, потому что другое не переносу.

Издатель долго ныл, чтобы мы взяли один псевдоним на двоих, обязательно мужской – это, мол, двигает продажи, но мы гордо отказались. Да, для подросткового фэнтези надпись на обложке «Белла Закревская и Мария Келдыш» звучала душно, громоздко и престарело, но самое большее, на

что мы согласились, – сократить имена и оставить фамилии. Первая наша книга вышла с гордым кричащим грифом «Белка Закревская и Маня Келдыш». «Маня» – потому что Белка сказала:

– «Маша Келдыш» – два «ш», просто звукопись какая-то, змеиный язык. Давай-ка, убирай шипящее.

Белка Закревская и Маня Келдыш. Так мы и въехали в литературу – пусть не в великую, но всё-таки литературу, вытащив себя за волосы из необъятного, тягучего Саргассова моря блогерства, которому каждая из нас отдала лучшие, непуганные годы становления пера. Я ещё цепляюсь иногда за сети, подписчиков, лелею гордыню, вскормленную лайками (хотя, говорят, при моём синдроме подобная зависимость провоцирует нездоровье). Когда тебе восемнадцать, мелочи имеют значение. Когда мне стукнет двадцать два, как Белке, я стану мудрой и степенной. Наверное.

Белке было тяжелее порвать с сетевым наркозом. Она вела блоги с пятнадцати лет – сначала в «Твиттере», потом в «Фейсбуке». Затем нырнула в «Инстаграм» и «ТикТок» и уже не вылезала оттуда. Даже зарабатывала какие-то деньги на рекламе, вела видеоблог о фитнесе, альтернативной диете и американских сериалах, которые смотрела каждый день. Ёрничала, язвила, перелаивалась на форумах с такими же, как она. В общем, жила в интернете. Когда получила от своего парня сообщение: «Если ты не заметила, я ушёл от тебя», крепко задумалась. А она не заметила, правда. Так бы-

вает. И вот тогда Белка дала себе слово порвать с интернетовской дурью. Боролась сама с собой год, срывалась, снова клялась и снова срывалась. Позже она призналась мне, что именно писательство (реальное, не сетевое) её в конце концов и вытащило.

Белка предложила стать антиглобалистами. Уйти из сетей. Вообще. Писать книги, путешествовать, жить в каком-нибудь Гоа или в бухте Халонг. Надо лишь полгода подождать, пока она закончит эту свою магистратуру. Только где взять на это деньги – гонорары чуть больше студенческой стипендии, а если пойти работать, то когда же писать? К тому же я снова студентка, но, слава богу, заочница, так что свалить на тёпленькое море смогу легко. После ухода из моей прикладной математики я поступила в Герценовский на социальную защиту. Просто это был единственный факультет, на котором оставались бюджетные места, ведь платить за мою учёбу ни мать, ни отчим не собирались. А что, вырасту, выучусь, стану соцработником, буду ходить по старушкам и многодетным семьям и нести благо в их серые жизни. Белка всё-таки молодец, настояла, чтобы я вписалась хоть в какую-нибудь учёбу, мол, высшее образование, хоть тресни, а должно быть, без него в жизни придётся туго – это как надеть джинсы на голое тело без трусов: не видно, а всё-таки что-то с тобой НЕ ТАК. Но на Гоа, конечно, хочется, и в последнее время что-то уж больно невтерпёж.

В новогоднюю ночь мы с Белкой крепко поспорили из-за того, есть ли у драпона линька или нет. Драпон – помесь карликового дракона и питона, мы придумали. У Белки были аргументы, что нет, это оттянет действие и драйв ненужными подробностями. Я же ратовала за достоверность, за линьку: как ни крути, змеюка есть змеюка, и обмануть ожидания читателей равносильно загубить очарование персонажа. Мы так заболтались, что пропустили и речь президента, и бой курантов, и бесчисленные телефонные трели. Тогда Белка сказала:

– Всё. Надоело. Давай напишем настоящую взрослую книгу!

– Взрослую – «восемнадцать плюс», с нескучным трахом? – уточнила я.

– Нет, – Белка вскинула голову, – не обязательно. Надоели все эти единороги и прочая зоодрянь. Давай детектив напишем. А лучше – триллер.

– Психологический, – само вылетело из меня.

Наши глаза встретились, обменялись чертями, и до самого жиденького утра первого января, когда спит пьяным сном всё вокруг, мы творили, плели, запутывали неожиданно возникший сюжет. Небесный вай-фай, к которому мы мгновенно подключились, не подвёл. История выткалась ладная, жёсткая, местами даже очень, но, – что было несомненным, – живая и захватывающая.

Писалось легко и много. Через неделю была полностью готова первая глава, и штрихами набросаны все задуманные двенадцать. Работали мы в две руки: за Белкой, как всегда, была проработка характеров и диалоги, за мной – мир и язык. Историю, ключевые сцены и интригу – любимое блюдо нашего редактора Люси – мы по-честному ваяли вдвоём. Не было лишь яркого финала, только его наброски, но Белка сказала, что надо писать не останавливаясь и финал зреет, как нарыв на лилейной щеке: розово и бугристо. Я согласилась, хотя с драконами и единорогами у нас было наоборот: сначала рождалась феерическая концовка, а затем на неё, как мясо на скелет, наращивалось остальное. Но триллер сам руководил нами, где-то заставляя убыстрять темп, а где-то замедлять. Мы чувствовали рождающийся текст кожей, мозгом, жабрами, мы дышали им, жили им, любили его и ненавидели, иногда забывая разогреть себе еду или сходить в душ перед сном. С четвёртой главы текст стал писать себя сам, неожиданно требуя ввода новых и новых персонажей, которых бдительная Белка либо вовремя вычёркивала, либо по сюжету убивала.

О том, над чем работаем, мы не говорили никому: этого требовала пока не рождённая книга. Закончили мы к концу апреля. Белка ходила бледная, худая, а стрижка «под пацанёнка» делала её похожей на угловатого ершистого подростка. У неё на носу был диплом, и как она выдержала этот марафон, не слетев с последнего курса, было загадкой даже для

меня.

Названия у книги пока не было, мы долго спорили о нём. Единственное, в чём мы были солидарны: в наше простенькое издательство «Урал-подвал», как мы его называли, дорогое выстраданное детище мы отдавать не собирались. Белка лишь выразила гениальную мысль, что надо бы частным образом нанять редактора Люсю отшлифовать текст и выудить косяки, которые мы, в силу замысленности взгляда, были не способны увидеть. Для этого можно продать телевизор, доставшийся нам в подарок, его всё равно никто не смотрит, а Люсе надо платить. Но книга того стоила. Мы уже мысленно делили, как говорила наша школьная завуч, шкуру неубитого медведя: мечтали, как пошлём книгу на все конкурсы и, конечно, во всех победим, и как Белкин знакомый сценарист Витюша протолкнёт книгу в продюсерский центр, по ней снимут кино – а лучше сериал – и будет нам счастье, достаток и новый телевизор, аминь.

Но перечитав написанное, мы сникли.

– Хиленький у нас антагонист получился, – хрипло выдавила Белка. – И протагонист сладковат. Не приторно, конечно, но...

Возразить мне было нечего. Я начала подозревать, что мы скатываемся в подростковую беллетристику задолго до концовки. Что поделаешь, у нас в анамнезе пять книг про драконов, а их не так-то просто вытравить. Все эти фэнтезийные твари сидели в голове, как небурные пластиковые стакан-

чики на чистой зелёной лужайке: шанса, что истлеют, никакого. Впрочем, если их убрать, то лужайка-то окажется пустой. Зелёненькой и скучной.

Мы попытались переписать большие куски и добавили пару глав. Книга начала задыхаться. Прорехи в ней стали ещё более очевидными, и мне виделось, что наш текст, как живой организм, заразился от меня моим хитрым синдромом: его передёргивало судорогой при столкновениями с пустотами. Даже сон приснился: главы – это чашки, а если дно не заполнено, книга заходила в астматическом кашле.

Тогда и было решено: меняем местами героя и антигероя. То есть, взяли вяловатого антигероя с его мелкими недостатками, шрамом на ухе, любовью к мадагаскарским тараканам и вдули всё это в нашего душку-положительного героя. Такие вот экстремальные припарки умирающему. И герой стал объёмным, настоящим и чертовски обаятельным. Книга начала оживать. Мы прошли по всему тексту мелкими стежками все новые привычки нашего парня и снова натолкнулись на проблему: а что делать с парнем плохим?

– Он должен быть высоким и худым, – моделировала Белка. – И обязательно, чтобы ладони потели.

– Фу! Отвратительно! Клише! – орала я и до хрипоты доказывала свою правоту.

За три беспокойные ночи (а ночи – единственное время, когда Белка не торчала на факультете) наш плохой парень менялся раз десять. То он был альбиносом с розоватыми гла-

зами, то смуглым красавцем-мачо, а то вообще китайцем. Худым, полным, коротышкой и верзилой, с прикусом и за-
ячьей губой, с протезом руки, узкой стопой, с ручным хорь-
ком, которого он всегда носил за пазухой, и, как апофеоз на-
шей творческой немощи, – с дипломом зубопротезного тех-
ника.

Когда мы окончательно выдохлись, Белка сказала:

– Слушай, а давай в сети его найдём!

– Как это? – не поняла я.

– Ну посмотрим профили, люди разные бывают, поищем аватар подходящий и будем уже отталкиваться от него.

Мысль о том, чтобы писать персонажа с реального чело-
века, пусть даже только по внешнему образу, показалась мне спасительной. И правда, что мы мучились? Интернет полон и уродами и красавцами – на любой вкус. Выбирай, автор, из миллионов и не миндальничай. Бесплатная картотека об-
разов и образин.

* * *

Мы потратили ещё несколько дней, просматривая фо-
тографии в «Фейсбуке». Задать параметр «Обаятельный урод», к великому сожалению, не получилось. Много раз мы меняли географию запроса: от Кавказа отказались сразу из-
за шаблонности типажей, от классических славянских рож
волжских городов тоже, и, когда все лица на мониторе сли-

лись в одно, вытоптанное и среднестатистическое, мне вдруг пришла идея «покопаться» в Москве.

– Понимаешь, – объясняла я Белке, – там типажей нет вообще. Москва – большой коллектор всех генотипов. Если порыться, думаю, даже бушменов найти можно.

– Наш Питер тоже не отстаёт.

– В Питере не так интересно. И потом, мы же из него ма-ньяка будем лепить, а ну накаркаем. Я вот мнительная, мне по городу потом стрёмно ходить будет.

Белка согласилась, хотя смеялась в голос.

Мы нырнули в соцсети. Искали недолго: сразу появилась парочка подходящих мерзавцев. Но просмотрев их аккаунты в «Фейсбуке», Белка авторитетно заявила:

– Фейковые пацаны. Боты.

– Как это? – не поняла я.

– Ну этих парней не существует. Аккаунты липовые. Создаются для разных целей – например, чтобы не светить реальный профиль, или нужно лайков набрать на каком-нибудь сайте, вот и мухлюют. Или, к примеру, как на известном тебе сайте знакомств, регистрация только через соцсети, сама знаешь.

– Сама не знаю, – буркнула я.

Белка растопырила пальцы веером и прикрыла лицо. Фейспалм у неё – знак глубочайшего разочарования идиотизмом собеседника.

– В общем-то, ничего страшного. – Я пожала плечами. –

Бот так бот. Нам же только рожа нужна.

– Нет! – вспыхнула Белка. – Пусть будет настоящий, живой человек! Подписанный на странички каких-нибудь рок-групп или на футбол, с кучей друзей в контактах, с реальными фотографиями из отпуска в Турции и с вечеринок, с постами, пусть и безграмотными, – но живой. Нам нужен реальный подонок, Манька!

Мы снова углубились в поиски. Я переживала, что время, потраченное на интернет, непременно будет вычтено из времени, отпущенного на роман, но Белка заявила, что я слишком умная и, если буду бурчать, получу от неё щелбан.

Мы не нашли *его* ни в этот, ни на следующий день. Время текло – просто вытекало, стремительно и неумолимо. За поиски мы садились ближе к ночи: днём Белка вертелась в институте, а я репетиторствовала по скайпу – давала уроки английского нескольким прыщавым тинейджерам, которых хотелось убить за тупость и лень.

На третий день Белка сказала, что выдохлась, и надо либо отказаться от этой идеи, либо выбрать из тех, кого просмотрели.

– Может, его не существует? Мы теряем время, Манька!

Я всё же не хотела опускать руки. Белка злилась, текст буксовал, надо было, по уму, плюнуть и, как говорил наш единороговый урал-подвальный издатель, скомпилировать из имеющихся образов. Образин, то есть. В голове крутилась

песня из далёкого екатеринбургского детства, её постоянно напевала курящая на балконе соседка: «Я его слепила из того, что было...» Что там дальше, не помню, но очень подходило под нашу ситуацию. Белка припомнила мне, как мы лепили нашего драпона, и предлагала даже загрузить компьютерную программу, которая из нескольких фотографий слепит одно лицо, и вот этот-то коллаж мы возлюбим и запустим в книгу.

Но я упиралась и припоминала Белке её же слова о том, что наш парень должен быть живым человеком, а не конструктором. К тому же смысл-то в игре с реальностью, а не в недостатке фантазии. Если мы смогли придумать своих чудовищ, то человека-то изваять сдюжим.

Белка хмыкнула и дала мне три дня на поиски. После этого, сказала она, садимся писать и додумываем на ходу, гори оно синим пламенем. У Белки всё горит синим пламенем, мне не вытравить из неё этот штамп.

Три дня я провела за компьютером. Попадались неплохие варианты. Был даже дядечка, по виду банкир, с часами «Патек Филипп», у которого фотографии с девахами на Бали сочетаются с селфи на фоне ковра и нарезкой запотевшего сыра за столом. Был ещё один, с усами, загадочной профессией директора пристрелочной станции и с не менее загадочными постами о двоесущности Бога. И фотографии из отпуска – на байдарках в белой пене. В общем, можно было дать парню

шанс. А усы я сама ему в тексте бы сбрила. Но всё же, при-
смотревшись внимательнее, я почувствовала нафталиновый
душок, и в итоге дала дядечке отставку.

Лица мелькали, шелестели страницы соцсетей, меня уже
мутило от обилия носов, подбородков, выпяченных губ – да-
да, у парней тоже, не только у девиц. А от умного прищу-
ра глаз за очками просто выворчивало. Кто, ну кто, скажите
на милость, посоветовал им держаться пальцами за дужку,
чуть приспуская очки на носу? Мужики, вы думаете, вы так
выглядите умнее и интереснее? Наткнувшись на тысячного
такого очкарика с ленинским прищуром, я захлопнула ноут-
бук. Мой антигерой играл со мной в прятки. К концу третье-
го дня стало очевидно:

Я
его
никогда
не
найду.

2

Я нашла его спустя неделю, случайно.

Мы уже поднырнули в текст, и Белка успела намурлыкать в диктофон «свой» кусок из общей главы, когда я, выкапывая из всемирной паутины историю ядов, наткнулась на форум, где активно обсуждались легкости приготовления бытовой отравы и стоял коромыслом родительский лай по поводу доступности для шаловливых чад всевозможных ингредиентов... и вдруг вышла по ссылке на *его* профиль в «Фейсбуке». ЕГО!!! ЕГО!!! Бинго!

Он оказался прекрасен.

Первое, что зацепило, – имя. Звали его Мирон. Да, вычурно, конечно, но ему двадцать девять, и, если подсчитать, родился он в смуту, когда крошился Советский Союз. Его маму и папу наверняка «занесло» в славянофильский крен. Их поколение – тех, кому в районе тридцати, – сплошь экзоты. Там и Никоны, и Иоакимы, и Евстафии. Такое ощущение, что, глотнув пьяного послеперестроечного разгуляя, их предки отпечатали на рождённых детишках своё понимание свободы и вседозволенности. Мир постсоветского пространства наполнился винтажными эндемиками. А Мирон – это уже не совковое, это что-то из нового мира, которого тогда никто не знал, но которому по-щенячьи радовались. Я сужу

по своим родителям. На моём поколении дух свободы уже приелся, поизносился, поутих, поэтому и имена у нас выровнялись, стали спокойнее, привычнее. Правда, в классе у нас был один Виссарион. Крапина на белой скатерти, яркая пуговица среди скучных Маш-Вань-Оль-Коль. Он запросто отзывался на Ваську, а я звала его Вискас, и он тоже отзывался. Хороший парень, в принципе. Но наш Виссариончик, скорее, исключение из правила: я думаю, там родители не раз пожалели, что выпендрились. В общем, если бы я родилась в те годы, что и мой Мирон, быть бы мне не Машей, а какой-нибудь Евдокией или Авророй.

Внешность у Мирона оказалась совершенным попаданием в нашего антигероя. Нет, никаких шрамов на зловещем лице, никакой джокеровской улыбки и каннибальского блеска в глазах – мы с Белкой уже наелись плохой беллетристики собственного приготовления. Хотелось беллетристики хорошей. И отчаянно верилось, что Мирон поможет нам в этом.

Он был, судя по многочисленным фотографиям, высоким, со спортивным телосложением и узкими ковбойскими бёдрами (ох, сколько девчонок тает от таких). На аватарке он красовался в приталенной рубашке с закатанными на одну четверть рукавами, открывающими сильные руки. Я залюбовалась... Чудо-чудное, диво-дивное! Фаланги пальцев длинные, кольца нет. Запястье вытянутое, аристократическое. Лицо... Лицо... Я смотрела на Мирона, не отрываясь, и старалась представить, как опишу его в книге. Слова пута-

лись в голове, я потянулась было за ручкой и блокнотом, но бросила, поддавшись наслаждению до конца впитать каждую его чёрточку, как если бы этот аккаунт открыли для меня только на минуту.

Лицо было немного ассиметричным. Высокие, почти монгольские скулы, смугловатая кожа, приподнятые уголки губ – чуть тонковатых, но это его не портило. А глаза не восточные, нет, – большие, тёмно-серые с чёрными точками по радужке. Он смотрел прямо в камеру, и от его взгляда хотелось скрыться. Фотография не студийная, снята, наверное, с телефона – но очень удачный ракурс. Я мысленно поаплодировала фотографу: «Браво, таких умных, острых...», – я старалась найти нужную метафору... – «*дышащих* глаз на миллион и не найдёшь». Хрипотца какая-то в этом дыхании, магия бархатного баритона.

Я лихорадочно просматривала его альбомы. Вот он с друзьями на пикнике в Подмосковье. А здесь со старой кинокамерой, вероятно, времён Чаплина. И много чёрно-белых кадров. А тут у водоёма с какой-то большой разрисованной доской. Подпись: «Мой новый вейк». Я залезла в Гугл, прочитала, что вейк – это доска для вейкборда; про вейкборд прочесть не успела, вернулась к его страничке. Обилие фотографий с девушками: все красивые, длинноногие, холёные, белозубо улыбаются... Груды под купальниками топорщатся... У меня никогда не будет такой шикарной груди, и мечтать нечего, к восемнадцати годам выросли только какие-то

невнятные прыщики, и надежды на то, что из этих прыщиков распустятся настоящие наливные сиськи, не было никакой: впереди уже не рост, а увядание – так меня обычно утешает Белка. Я невольно поймала себя на мысли, что мне неприятно видеть Мирона в обнимку девушками...

Взглянула на раздел «Информация». Статус – «Без пары». Вот ведь лукавство какое. «Не женат» – звучит куда как нейтральнее. «Не женат» – значит, ты свободен от матримониальных уз, что, конечно, не означает отсутствие постоянной подруги... Ты этим своим статусом ничего не хочешь особого сказать, просто обозначаешь семейное положение. А вот статус «Без пары» информационно и эмоционально сильнее. Ты не просто холост, ты *ищешь* и кричишь об этом на весь интернет. Хотя у Белки в сети тоже статус «Без пары» – но у неё принципиальная позиция: с тех пор как её накрыло писательство, парней она недолюбливает. И про бывших своих не рассказывает даже мне. Так что для неё «Без пары» означает жизненное кредо и табличку на лбу «Не влезай – убьёт». А Мирон-то наш скромностью, вроде, не обезображен, вон с какими красотулями фотографируется...

Я ещё долго изучала его страничку, сидя на кухне и попивая остывший кофе, пока не услышала сзади шарканье тапочек: Белка проснулась.

– Чего не спишь?

– Бэлллл! Я нашла его!

Белка протёрла глаза и склонилась к монитору. Минуту

мы молчали, её лицо оставалось неподвижным. Затем она холодно произнесла:

– Ну.

– Белка, это он, он!

– Мордашка так себе. В меру смазливый, не более. Фигура, правда, ничего, но для сюжета она неважна. И чем же этот бедолага так привлёк тебя, что ты хочешь оказать ему великую честь стать нашим гадёнышем?

– Глаза! Какие у него глаза! – промычала я.

– Ничего особенного. Полукровка какой-то. Помесь корейца со славянином.

– Глаза, Бэлллл!

– Имя дурацкое. Мирон. Фамилия не сочетается. Платонов. Не комбинаторно. – Белка фыркнула и поджала губы.

– Мы фамилию заменим. Имя оставим!

– Машка, ты слишком много кофе пьёшь. И не спишь по ночам. Давай, кончай дурью маяться, ложись, уже третий час.

– Ты капризничаешь, потому что не ты его нашла, тебе завидно! – упорствовала я. – В глаза, в глаза ему посмотри!

– Ну глаза. У всех глаза. Меня вот снять профессионально, я вообще Нефертити затмить смогу. Сколько мы с тобой парней пересмотрели, были и получше!

Белка бурчала, а сама пожирала взглядом страничку Мирона. Я чувствовала, она уже на моей стороне, ломается только для виду. Я принялась воодушевлённо пересказывать

ей всё, что успела о нём узнать.

– Он врач, работает в реабилитационном геронтологическом центре. Занимается лечебной физкультурой с пожилыми инсультниками. Бывший спортсмен. В прошлом, возможно, был связан с неформалами: видишь татушку у него? Из-под воротника рубашки чуть-чуть торчит, зелёный треугольничек, видишь? Едва заметно, я сейчас увеличу фото: с ключицы на шею переходит, заметила? Это хвост ящерицы, я думаю. Или что-то масонское. Я потом узнаю, пороюсь на сайтах. Интересно, зачем он её вытравливал...

Белка помолчала.

– Всё-таки, чем он тебя зацепил?

Я набрала в лёгкие воздуха и выдохнула:

– У него сердце справа.

Белка выпрямилась и как-то очень внимательно на меня посмотрела.

– Откуда знаешь?

– От фейсбучины ничего не скроешь. Смотри, два года назад какая-то деваха на его стене истерила, называла бессердечным, он ей ответил, что сердце есть, но не там, где она думает, и приложил рентгеновский снимок.

– Может, соврал? Или снимок зеркальный?

– Нет, я уверена, нет! Есть такая аномалия, с ней рождается один человек на десять тысяч. Если вспомнить, сколько миллионов живёт в Москве, то из правосердечников можно составить население какого-нибудь Лефортово или Марьи-

ной Роши. Белка, господи, да что ты придираешься!

– Ладно. Иди спать.

– Так ты согласна?

– Хм. – Белка повернулась и зашаркала в комнату. – Можно попробовать. Только... – Она помедлила. – Только в конце мы его обязательно замочим.

– Как скажешь! – обрадованно выкрикнула я. – Я лично подготовлю для него самую изысканную смерть!

– Нет уж. Удавлю его я. Лишь на этом условии согласна.

– Лады.

Счастливая, я откинулась на спинку стула и только тут почувствовала, насколько устала. Глаза слипались и не было сил подняться. Кое-как я доползла до раскладушки и, не раздеваясь, провалилась в сон – вязкий, глубокий, синюшный, без сновидений.

На следующий день, как только Белка убежала в институт, я села за компьютер. Ну, Мирон Платонов, расскажи мне о себе.

Список его контактов был закрыт. Я подумала, что для книги это неважно, но мне было любопытно. Наверняка, там куча девчонок. Или женщин. Для моих бывших сожительниц по общаге тридцатилетний парень – уже перестарок, и интерес у них может вызвать только наличием денег. А я так не считаю. По мне это самый интересный мужской возраст. Ты уже всё попробовал, вкусил и дозволенного, и запретно-

го, ты уже не сопливый студентик, а мужчина, не истекаешь слюной при виде каждой юбки, а с достоинством выбираешь и знаешь цену женскому полу. Мой Лёшка был, по сути, мальчуган-мальчуганом. Как только я привыкла к нему, раскрыла перед ним свою хрустальную душу, так он сразу скис. Как всё банально оказалось, мама, напишешь такое в книге, скажут: автор, ты скатился до серой пошлости, до бульварщины и бабства. Но это не книжная, а реальная жизнь, и она такая вот, чёрт побери! А когда у меня начались неприятности по всем статьям – и в институте, и со здоровьем, – так он и свалил, сказав, что, дела и, мол, не надо лепить из дружеского секса великую любовь. Конечно, так может поступить любой мужик и в тридцать, и в сорок. Только не Мирон. Я почему-то была уверена в этом. Его ждёт масса передраг по ходу нашей книги, но в такой вот моей ситуации, он повел бы себя не так, как Лёшка.

И да, я тайно гордилась им: красавец, спортсмен, врач и работает не в каком-нибудь распальцованном медицинском центре с золотыми унитазами, а в обычном пансионате, помогает старикам.

Я смотрела на фотографию, где Мирон дурачится с друзьями на прошлогодней Масленице, и думала о том, что между нами одиннадцать лет, полпоколения считай, а кажется, мы ровесники. Я могла бы тоже так валяться в снегу, прыгать через костёр, уплетать блины за обе щеки, слизывая языком текущее по подбородку масло, и хохотать до упаду. И нам

нашлось бы о чём поговорить, несмотря на разницу в возрасте. Я снова вспомнила Лёшку. Да, мальчишество в мужчинах приветствую, мальчиковость ненавижу!

Гугл оказался скуп на дополнительную информацию о докторе Мироне Платонове. Пара упоминаний его имени в списках участников медицинского форума, да несколько ссылок на статьи о конференциях – их я прочитала, разумеется, но ничего полезного для книги не выудила. Посты на «Фейсбуке», под которыми он ставил лайки были разношёрстными: и медицина, и кино, и политика-лайт – не оппозиционные, а так, чьё-то мелкое недовольство. Может этот «кто-то» просто его приятель. Хотя, если бы Мирон был оппозиционером, Белке бы понравилось.

Один комментарий, который он сделал, зацепил меня. Я уже пролистала ленту года на три назад, и нашла его пост о том, что почти в самом центре Москвы, на Ордынке, к нему пристали цыгане – конечно, пёстрые и грязные – и просили денег за «погадать». Он отказался, цыгане плюнули в него (надо будет, подумалось мне, в книгу взять), и Мирон разродился гневным возмущением в сети, что, мол, доколе, и когда честным гражданам будет передых от всякого сброда, куда смотрят власти, и всё в том же духе. Топорно сквозь текст была прошита мысль: очистить бы город от грязи. В комментариях к посту кто-то подметил, что с подобных мыслей начинался нацизм. Мирон взвинтился, начал перепалку

с собеседником – зря, по моему мнению, – и закончилось всё тем, что оппонент самоудалился, а Мирон ещё долго не мог остановиться, всё возмущался, хотя ему уже никто не отвечал.

И ещё была одна черта: он очень редко делился тем, что врач, будто стеснялся профессии. Кто-то в диалогах спросил его, чем он занимается, и Мирон заглавными жирными буквами ответил: **Я ИСПОЛНЯЮ МЕЧТЫ.**

Ох, Мирон, Мирон, может, ты и мои мечты сумеешь исполнить? Что тебе стоит?

Параллельно я печатала наброски к его портрету.

В категории «Плюсы» вошло:

1. Киногеничность. Отрицательное обаяние.
2. Невероятные глаза.
3. Заманчивая профессия.
4. Спортивный (читаем: здоровый) образ жизни.
5. Абсолютная грамотность (уже подозрительно).
6. Сексуальная манкость.

В категории «Минусы»:

1. Та же сексуальная манкость.
2. Нарциссизм.
3. Многословность в изложении мыслей.
4. Невнятный темперамент (бывает скуп на комментарии, а иногда легко поддаётся на провокации).
5. Непонятная биография. Страничка зарегистрирована всего три года назад. Почему его не было в сети до этого вре-

мени – туманно.

6. Вообще больше про него ничего не найти.

Получалось: шесть плюсов, шесть минусов. Поровну. Что делать с сердцем справа, я пока не решила. Да, с единорогами, драконами и прочими галлюциногенными тварями было намного проще. Впрочем, я до конца не понимала, зачем копаюсь в реальном Мироне, пытаюсь выудить факты его жизни. Книга есть книга, намного интереснее додумать всё самим, в этом и заключается магия творчества. А база у нас уже есть, и какая шикарная база! Но, удивляясь самой себе, я рыла и рыла километры траншей в сети и не могла дать ответ, почему.

– Просто он тебя зацепил, признайся, – ехидничала Белка.

– Конечно. Идеальный антигерой.

– Не такой уж и идеальный. Разобраться – обычный мужик, но мы из него сделаем конфетку, – Белка хихикнула, – то есть, монстра.

– Бэлл, как думаешь, – я взяла с полки чашку, выплеснула из неё «дежурную» воду и налила кофе, – почему о нём информации только за три последних года? Чем он жил до этого? Москвич или приезжий? Что он делал, как существовал? Ведь не соткан же он из воздуха? Должны быть какие-то следы в интернете. Но ничего нет. Как будто он засланный.

Белка нахмурилась:

– Не заморачивайся. Мы теряем время. Садись и пиши, как есть. Тайна в биографии – очень даже хорошо для кни-

ги. Мы и без этого хотели загадочности побольше влить. В общем, кончай дурью маяться, у тебя три дня на ввод героя. К субботе закончу преддипломную статью и подключусь.

Белка умчалась в институт, а я засела за текст. Но что-то не писалось. Мой книжный герой никак не вызревал, выглядел картонным, размытым, и, промусолив главу до полудня, я стёрла написанное. Что-то было в настоящем Мироне такого, что заставляло меня вновь и вновь нырять в сеть и искать хоть какой-то его след, оставленный ранее, до регистрации на «Фейсбуке». Но Мирон умудрился нигде не наследить.

Я налила четвёртую за утро чашку кофе и пожалела, что из-за Белкиной аллергии у нас нет домашней скотинки. Сейчас бы взять пса, прогуляться с ним по питерскому дождичку, заодно и проветрить голову. Мысль выйти одной, без сопровождения, меня отнюдь не привлекала.

«Я исполняю мечты». Так написал он. Я задумалась. А мою мечту, Мирон, ты исполнишь? Я вот мечтаю о крыльях, белых-белых, мягких, как пух. Чтобы росли из спины. Я бы... как там в «Чайке»... расправила бы... и полетела. Или же просто – пусть будут крылья. Будут – и всё.

Неожиданно раздался сигнал скайпа. Мама...

– Маша, что у тебя с учёбой? – без приветствия начала она.

– Всё нормально. Привет. Сессия через месяц, я готова.

– Готова она! К чему? Небось, лекции прогуливаешь, сказочки свои пописываешь.

– Ма, я заочница. У нас лекций не так много, как ты думаешь, и они даются дистанционно. Я онлайн слушаю всё, что надо за курс.

– И зачем ты только бросила математику! – Мама заводилась с пол-оборота, ей даже повода не требовалось. – Ведь ты умненькая девочка, золотая медалистка, вундеркинд, могла бы получить хорошую профессию, зарабатывать приличные деньги.

– Математикой? Не смейся, мам. Для этого надо обучиться на программиста, а я убеждённый гуманитарий, несмотря на пятёрки по информатике в школе.

Мама не слушала.

– Мы с дядей Пашей всё о тебе беспокоимся, как ты там, мы бы приехали, навестили тебя, да денег нет. До вашего Питера знаешь сколько билет стоит?

Ага, беспокоились они, особенно дядя Паша, отчим. Вот ему-то я всегда была до фонаря. К тому же, не хватало, чтобы они действительно заявили. Где, скажите на милость, их на ночь класть? На издыхающий диван? А с Белкой спать валетом на раскладушке? Мама с отчимом прекрасно осведомлены о моих условиях, но эти знания с их логикой мышления не пересекаются.

– Знаю, ма. Дорого билеты стоят, поэтому я к вам и не еду.

Я соврала. Не поэтому я не еду... Не могу объяснить... В общем, вырвавшись из родительского гнезда, я наконец-то поняла весь смысл набившей оскомину фразы «вздыхнуть»

полной грудью». Мои отношения с миром – это вопрос дыхания. Наверное, точнее я и не смогла бы сказать. Я дышу механически, вдох-выдох, но это не значит, что я живу. Я начинаю задыхаться от любого вмешательства в моё личное пространство, и для меня свобода – это не вопрос возможности действовать так, как хочу, а вопрос *невмешательства* в мою жизнь и в мои правила. Никому нет входа. Только я решаю, приоткрыть ли дверь. У моей боязни пустых чашек – мне добрый психиатр объяснил – ноги растут из той же проблемы. Я не могу существовать вне свободы. Это, мама, не одиночество, нет, между одиночеством и свободой есть очень объёмное различие: одиночество больше тебя, оно вне и внутри человека, и ты не властен выйти из него, как выходят из маршрутки, – по одному лишь твоему желанию. Ты можешь обзавестись знакомыми, друзьями, мужем и детьми, наконец, но это вовсе не означает, что и одиночество вышло из тебя. Друзья, семья – механический выход. Но помимо механики есть метафизика и рефлексология. Мне сложно объяснить это людям, которые под одиночеством понимают тихий вечер в пустой квартире, когда никто не звонит, и мысли крутятся по одной орбите: ты никому не нужен. Если ты не нужен самому себе, то да, ты никому не нужен.

Свобода же – вещь из другого чемодана. Свобода – купол, под которым тебе хорошо одному. Ты бесконечно нужен себе, именно себе, даже если ты не нужен больше ни одному живому существу. Свобода, мама, – особая форма расщеп-

лённого эгоизма, не та, которая заставляет мир крутиться вокруг тебя, а та, где ты можешь существовать, даже не заметив этот мир, парить над кромкой земли, чуть взлетев, как при левитации: тебе невозможно поставить подножку – ты всё равно удержишься в воздухе.

– Я не поняла, – раздался мамин голос, – ты со мною сейчас разговариваешь или, как всегда, в своих мыслях витаешь?

Я вдруг поняла, что размышляла вслух. Бедная мама! Маша, вруби мозг, пожалей её! Точнее, отключи мозг.

– В кого ты только такая? Уж точно не в меня и не в своего пьяницу-отца. Ты слишком умная, Маша.

Да, это моё несчастье, мама. Хорошо хоть ты не зовёшь меня «зубрилкой», как, бывало, одноклассники. Мама, мама! Сейчас ты начнёшь вспоминать, как хорошо было, когда я была маленькой.

– Как хорошо было, когда ты была маленькой!хлопот с тобой не было – ангельский ребёнок, тихая девочка. А классе в пятом тебя как подменили...

Мама включила излюбленную тему. Вспомним-ка, какая Маша была лапочка. Кстати, у свободы девичья память, мама. Если ты тащишь за собой баул воспоминаний, ты никогда не станешь свободным. Но человек без воспоминаний инвалид, поэтому человек никогда, никогда, никогда не будет полностью свободен, мама.

...Я заметила, что последнее время очень часто беседую с

мамой в своей голове. Обращаюсь к ней, как к невидимому собеседнику, – тому собеседнику, которым она никогда не была. И которым, увы, никогда не будет. Мы слишком разные.

– Тебя тут искал твой одноклассник. Игнатенко. Имя у него смешное такое – Виссарион.

– Вискас???

– Да, он просил твой телефон, я ему дала, а потом вспомнила, что ты ж его меняла. Ну ничего, позвонит ещё. Сообщить твой новый номер?

Я вспомнила вихрастого лопухого паренька, когда-то по уши в меня влюблённого. Интересно, что сейчас ему от меня надо?

– Ма, он не сказал, что ему нужно?

– Сказал, звонит просто узнать, как ты. А что я ему отвечу?

– Ну, утешила бы его, что у меня всё хорошо.

– Хорошо у неё, – фыркнула мама. – Ты всё ещё живёшь с этой девочкой? Как её звать... Белла?

– Ма, ты прекрасно знаешь, что её звать Белла и что мы с ней уже два года снимаем вместе квартиру.

Мама хмыкнула.

– И что это за мода такая – жить вместе годами?

– Ма, мы не лесбиянки, если ты клонишь к этому. Вдобавок, мы не только вместе живём, мы вместе работаем.

– Что ты называешь работой? Писанину? – снова взвин-

тилась мама. – Ну и сколько уже ты заработала, что даже на билет домой не хватает?

Я промолчала.

– Появилась эта Белла, ты ушла из института, занимаешься не пойми чем! Для этого ты заканчивала школу на два года раньше сверстников? Что толку от твоей золотой медали? Пора за ум взяться! Устроиться на нормальную работу, если не хочешь учиться в приличном институте, решить своё безденежье, наконец, иными способами.

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе восемнадцать, Маша. Можно уже не с Беллами жить, а найти достойного молодого человека. Чтобы жилплощадь своя была...

– Ма! – Я начала терять терпение.

– Ладно, дочь. Живи как знаешь.

Мама всегда заканчивала разговор этой фразой. Она даже не представляла себе, что «живи, как знаешь» – именно то, что я хочу делать в жизни. Главное, чтобы «знаешь» на это вот «живи» хватило. Чтобы не ломать себя. И близких тоже. Мы вынуждены подстраиваться под других людей, если хотим, чтобы они были рядом. Я долго тюнинговалась под Белку, и у меня это получилось, иначе мы бы не смогли существовать вдвоём на тридцати квадратных метрах. И писать бы не смогли. Белка тоже проделала гигантскую работу, подрихтовала свои острые углы под меня. Ей было сложнее, потому что у неё темперамент, и она по натуре лидер.

Мы не стали единым целым, нет, мама, потому что мы – две разные галактики. Но мы смогли создать большущий такой Intersection двух наших диаграмм, пересечение в теории множеств, – и это только благодаря Белке, потому что я регрессивный эгоцентрист, и она всегда делает первый шаг. И за это я её невероятно уважаю. Но с мамой обсуждать её не собираюсь.

Да. Я слишком умная, мама, и это мне мешает. А в быту – дурнее меня ещё поискать. Мой ум непрактичный, бестолковый, ненужный. И в отношениях с парнями я тоже debilka.

Я закрыла ноутбук. Но тут же открыла снова: Мирон вернулся в мою голову.

* * *

У Белки образовалась благословенная неделя, когда она не должна была ежедневно бегать в институт и сдавать статьи и зачёты. Мы с удовольствием отгородились от окружающего мира и писали мир свой, споря до хрипоты по мелочам и безоговорочно соглашаясь в главном. Накануне на наши счета капнуло немного денег за дополнительный тираж книжки о драпоне и волшебных тварях. На радостях мы устроили пирушку: заказали в ближайшей японоподобной забегаловке суши и sake. Суши, в такт названию, оказались пересушенными, с бумажным вкусом обёрточных водорослей и

целлулоидным, поскрипывающим на зубах рисом. А вот sake я пробовала впервые, и, если сравнивать с водкой, оно ещё более забористо, хоть и пованивало так же, как и суши. Но мы съели всё с пёсым аппетитом, не особо вдаваясь в нюансы, что японский фаст-фуд на самом деле другой, а то, что приняли в себя наши нежные желудки, – его убогий эрзац, рис с дешёвой рыбой в чёрной туалетной бумаге. По окончании трапезы мы пели на два голоса арию «Чио-Чио-Сан», и я дала себе слово начать учить японский язык, как только закончим книгу.

– У тебя должно получиться. Ты же вундеркинд. Ты и по-русски столько лишних слов знаешь, самурайские в тебя точно влезут, – чокнулась со мной стаканом sake Белка.

– Это какие-то лишние слова я знаю? – удивилась я.

– Ну, например, этот, как его... – Белка нахмурила лоб, вспоминая. – Ну этот... Запах мокрой земли после дождя...

– Петрикор.

– Ну! Вот скажи, зачем нужно это слово? Всё равно его никто не знает.

– Чтобы было.

– Манька, это не ответ. Или... Как его... Который в банане...

– Волокна банана называются флоэмы, – деланно-занудным голосом в нос произнесла я.

– Вот! Даже в текст не взять – всё испортит. Надо обязательно сносить делать, потому что нормальные люди не долж-

ны забивать голову всякой хренью. А сноски убивают текст.

– Если слово существует – значит, оно имеет право на жизнь. – Я плеснула ещё sake в чашку, но не потому что хотела выпить, а – да, да, чтобы дно не оставалась пустым.

– Мань, не занудствуй. Вот когда ты станешь *самостоятельным* взрослым БОЛЬШИМ ПИСАТЕЛЕМ, отпочкуешься от меня как от соавтора, тогда и мучай читателя всякими ненужными заимствованиями. А пока мы вместе, будем писать просто.

– БОЛЬШИЕ ПИСАТЕЛИ, – хихикнула я, – обычно дяденьки, они бронзовые, стоят на площади, на них с аппетитом какают голуби. А я так. Авторица.

– Да ты лет через десять переплюнешь иного дяденьку, – фыркнула Белка. – Маняш, не комплексуй. Ты такой талантнице, поискать ещё! Я тебе в мелочах привираю, а в крупном – никогда, верь мне! Только, правда, давай в тексте без зауми, лады?

– Есть, мой генерал! – Я обняла Белку. – И не поспоришь: «запах земли после дождя» звучит прекраснее, чем «петрикор».

Ох, как же подпортило мне кровь моё вундеркиндство – я вспомнила школу, и настроение сразу сдулось. В первом-втором классе меня считали если не образцовой дебильной девчушкой, то точно «не в себе». Я мало с кем разговаривала, а если и открывала рот, то произносила то, что дети

не понимали. К восьми годам я научилась фильтровать поток сознания и начала выдавать связные реплики, доступные сверстникам. Мимикрировала под среднюю детскую массу. У меня даже образовались две подружки с одинаковыми бантами, но исчезли они, впрочем, тоже быстро, не оставив в моей памяти лиц, только имена Оля и Марина. Меня считали зазнайкой-отличницей, а дразнили больно и хлётко – словами, которые я не хочу вспоминать. Самочек класса я просто таскала за косы, а мальчишки и так меня сторонились, как чумной.

К тринадцати годам я прочитала все книги, какие нашла в доме. Электронных книг у родителей не водилось, и, выпросив у одноклассницы напрокат «Kindle» на каникулы, я была на седьмом небе от счастья. Но и оно скоро кончилось, потому что, осилив всё закаченное, я разочаровалась в литературе в целом и в современной литературе в частности. Читать мне расхотелось на долгие годы. Интоксикация.

О том, что я когда-нибудь начну писать книги, я и не подзревала.

Класса с пятого я начала ходить по школьным олимпиадам. Выигрывала не все, но неизменно умножала нелюбовь ко мне недалёких биологических существ, именуемых одноклассниками. Из всех развлечений я больше всего обожала олимпиады по математике, но в девятом классе меня перестали на них отправлять: я давала точные ответы без объяснений и цепочек формул, и почему я так делала, убей бог,

объяснить не могла. Просто находила нужные ответы в голове, как антиквар из всего хлама в своей лавке находит на самой дальней полке нужный покупателю напёрсток или крохотную статуэтку. Меня показывали профессору из какого-то университета, но я стояла перед ним набычившись и вразумительного ничего не могла изречь. «Найдите три значения „ a “, при которых уравнение не имеет действительных корней»... Я находила пять значений. «Сколько целочисленных решений имеет неравенство?» Я с ходу говорила «ни одного» и оказывалась права. Нет, я не гений. Гений бы просчитал всё, молниеносно отсекал ненужные варианты и выдал бы правильное решение. Я ничего не просчитывала, просто ляпала наобум и оказывалась права. Интуиция? Может быть. Но не в ста случаях из ста. Впрочем, что грешить, решение было не совсем наобум. Я словно видела последнюю ажурную строчку формулы, а начало не могла воспроизвести. Помучившись со мной, профессор махнул рукой:

– Математика – наука точная, требует логики и объяснений.

А вот логики и объяснений я не выдавала. В моей голове кипятилась тысяча формул, я продолжала давать правильные ответы на все задачи, но расшифровывать «ажур» не собиралась. Хотите, мол, ставьте двойку. Мне всё равно.

Наверное, за это меня и не любили в школе все поголовно, учителя и дети: мне в большинстве случаев было *всё равно*. Только один единственный раз я встретила девочку, с ко-

торой почувствовала родство душ. Мы познакомились на городской олимпиаде. Надо было найти максимальное количество последовательных трёхзначных чисел, в записи каждого из которых есть хотя бы одна нечётная цифра. Мы с ней синхронно написали ответ, едва дочитав задание до конца. «Ты вундеркинд?» – «Типа того...» Я кивнула, мы рассмеялись. С тестовыми заданиями мы справились за двадцать минут. Она подписала лист и поставила рядом с фамилией крохотный смайлик – улыбающуюся кошачью мордочку, будто свой автограф. Так делать было нельзя, но от хулиганской этой шалости мне стало очень светло. Я получила пулю счастья в живот: ну вот, существует такой же биовид, Машка, как и ты. Здорово, ведь здорово? Но чудо-девочка исчезла после олимпиады, и больше я её не видела никогда, ни на одной олимпиаде. Позже, уже в Петербурге, я пыталась найти её в сети. Был профиль с её именем и аватаркой-кошкой. Я почему-то сразу поняла, что это она, та самая Катя Верещагина. Но обновлений на странице не было года три, и на письма мои никто не ответил. Жива ли? Не сыграл ли её гений с ней злую шутку? Как она существует со своим даром и существует ли? Вот тогда мне до немоты захотелось написать книгу, где героиня была бы с именем Катерина и каким-нибудь другим. В память о девчонке, которая могла бы быть моим зеркалом.

Мы с Белкой снова чокнулись, и я почувствовала, что

опьянела. У нас было золотое правило: даже если в тебе одна капля алкоголя – не пиши. Всё равно потом придётся стереть, потому что «пьяный» текст, хоть и вдохновенный, но получается полной чушью, название которой – «графомания». Поэтому я встала из-за стола, поклонилась Белке, сложив лапки, как японская гейша, и мелкими шажочками засемила к дивану: сегодня была моя очередь спать на нём.

Мирон был ласков. Его губы слегка касались моей шеи, и от этих прикосновений у меня появлялись мурашки на коже. Его пальцы вылепливали мне ключицы, и было щекотно и невероятно хорошо. От запаха чистого, сильного тела у меня кружилась голова, а внизу живота прыгал цыплёнок. Так уже было прошлой ночью, и я знала: симфонии не будет, только прелюдия. Он лишь взбудоражит меня, распалит и уплывёт в рассветное утро. И я пыталась удержать его, хватала за волосы, и ему, наверное, было больно.

Проснувшись в четыре утра, я увидела, что в кухне тлеет синеватый отсвет: Белка сидит за ноутбуком и активно стучит по клавиатуре.

– Что ты делаешь? – спросила я сонным голосом.

Белка вздрогнула и свернула экран.

– Фу, Мань. Напугала. Накидываю финал. Мысли есть.

– А что прячешь?

– Ну, не оформилось ещё. Иди спать.

– Бэлл, мы же договорились под мухой не писать. Текст

не простит. Ты нарушаешь правила.

– Ну вот, губы надула. Я так. И для диплома своего тоже.

Я взглянула краем глаза на монитор: свёрнутой была страничка «Фейсбука».

– Ты же ушла из соцсетей.

– Ну, подруга, да, подловила. Я на нашего гада ещё раз хотела взглянуть.

Белка клюнула пальцем по мышке, окно развернулось, и с аватарки на нас хитро взглянул Мирон.

– Он на этом фото душка, никакой не гад, – зевнула я. – Смотри, не влюбись.

– Значит, сделаем из него подонка. И начнём прямо с утра, когда обе будем в кондиции.

Я вернулась в комнату, накрылась с головой одеялом, и снова пришёл Мирон. Я уже не спала, но всё думала, думала, думала. Я всегда знала, что если что-то пишешь «кожей и кровью» – то вселенная подтягивается, события начинают сбываться. Даже в фэнтези. Конечно, драконы и прочие твари не прилетят к тебе на подоконник курлыкать, но у нас уже был десяток случаев убедиться, что мы... как бы поточнее сказать... накаркали что ли. Например, фея, выдуманная нами от макушки до пяток, вдруг встречалась в паспортном столе – у неё было всё «наше» и даже имя Изольда. Или мы описывали сцену, где умирает ведьма, – а спустя два дня были свидетелями, как пожилой женщине в метро стало плохо,

она осела на пол и завалилась на бок, подмяв под себя сумку и неестественно изогнув руки-ноги. К женщине сразу подбежали со всех сторон, а она смотрела в одну точку невидящим взглядом и вдруг сказала: «Берег». К чему сказала? Мы с Белкой стояли рядом, обе зелёные. Потом синхронно повернулись и молча пошли к выходу. Вечером Белка спросила: – Слушай, мне становится страшно.

Мне тоже. И не только в тот раз. Потому что я не всегда могла чётко сказать: мы сначала написали, а потом это случилось в жизни, или всё же сперва случилось, а мы уже потом действительность срисовали. И, несмотря на склонность к мистицизму, мне очень хотелось, чтобы действительность шла первой.

* * *

Сюжет пришлось переделать почти полностью. История сплеталась сложно, путано. Начало было таково. Героиня решает поехать в Петербург и найти отца, которого никогда не видела. Едет из далёкого, умытого росами села, где осталась первая любовь (Пашка или Мишка – потом додумаем), и в поезде встречает ЕГО. Имя мы с Белкой решили оставить «родное»: Мирон. Звучно и эффектно. Внешность списали с прототипа, с точностью до родинки на левом ухе. Не потому, что авторской фантазии нам с трезвой Белкой не хватало, а потому что так было интереснее и творческий процесс ста-

новился острее. Существование где-то такого же живого человека, с таким же именем, физиономией, фигурой и характером (насколько он считывался с профиля в сети) изрядно нас бодрило и распаляло писательский азарт. Надежды, что прототип прочтёт наш роман, практически не было. Неизвестно ещё, читает ли настоящий Мирон литературу вообще и дамскую беллетристику в частности. Да и способен ли поглотить текст больше, чем тот, который помещается на экране смартфона? Что-то мне подсказывало, что шансов с гулькин нос. К тому же фамилия героя в нашем тексте другая. Когда мы станем известными и (помечтать) богатыми, то с удовольствием будем с ним судиться, если он вознамерится подать на нас иск за клевету и попытки опорочить репутацию.

– Как мы её назовём? Главную героиню? – спросила Белка. – Придумай имя сама, разрешаю.

– Ну, – хмыкнула я. – Давай, Катей будет. Это единственное имя, кроме твоего, конечно, с которым у меня приятные ассоциации.

– Лады, – кивнула Белка.

Итак, Катерина выходит из поезда на московский перрон и понимает, что её уже любимый парень, которого она ждала всю жизнь, исчезает вдали, за спинами толпы, а она, дура, даже телефон его не удосужилась узнать. И она, конечно же, бежит за ним и, разумеется, не догоняет. А из сведений у Катерины о Мироне только одно: что он врач в какой-то

клинике. И вот она раздумывает искать папашу и начинает искать Мирона.

Как-то так.

Мы писали запоем следующие три недели. Отрывались на приём пищи, гигиенические надобности, изредка – походы в магазин. И гуляли, в основном, вечерами, когда глаза уже не видели монитор. Обсуждали, меняли, много потом стирали, спорили до хрипоты. Были счастливы.

За это время мне ни разу не приснился набивший оскомину сон. Точнее не сон – сны могли быть разными, – а его концовка. Что-то там происходит, какое-то действие, неважно какое, а в финале я оказываюсь перед дверью. За дверью – свет, и её точно надо открыть, чтобы выйти, а страх сковал руки, и я не могу пошевелиться. Прямо как в плохих фильмах. В развязке героиня, конечно же, толкнёт дверь и выйдет наружу. Фу, просто банальщина! Но в моём реальном сне всё прерывалось в тот момент, когда я подходила к двери. Ну вот же, надо просто сделать одно движение... и там, за дверью – свет и жизнь. Но ведь нет. Я поднимаю руку, чтобы толкнуть дверь, и в тот же миг просыпаюсь. Мне иногда очень хочется узнать, кто там, наверху, так графоманит. Тот, кто пишет сценарии к моим снам. И ещё интересно: если, допустим, писатель пишет откровенно плохо, то и сны ему тоже снятся бездарные?

Денег катастрофически не хватало. Клянчить у родителей – и моих, и Белкиных – не позволяла гордость, а доить драконов и единорогов больше не представлялось возможным: мы полгода о них не писали и полностью выпали из их мира. Белка пошла работать тренером в фитнес-центр, вести «Суставную гимнастику». Название говорило само за себя. Белка прирождённая спортсменка, гнётся во все стороны, как ивовая лоза, на шпагат садится (и сидит так, пока я ей зачитываю собственные куски текста). В своих Сланцах она год проводила групповые занятия в спортклубе. Умница. Мечтала пилатес вести, но там нужен тренерский сертификат, в Петербурге с этим всё строго, без бумажки с красивым штампом в нормальный зал работать не возьмут, а у Белки денег не было его получить. Вот она и подрядилась на тренировки «общего плана». К ней, в основном, потянулись бабулечки: она учила их гнуть негнущиеся спины и тянуть нетянущиеся конечности. Называла Белка свои занятия «бабка-йога», а себя «бабка-йожным инструктором».

Денег, правда, всё равно было мало, а тут ещё хозяйка квартиры, Карга Ефимовна, как мы её за глаза называли, удумала повысить цену на нашу конуру. Мы повозмущались, даже грозились съехать, – но куда уж мы поедем? Эта квартира даже с удорожанием всё равно оставалась по питерским меркам дешёвой. Мы были вынуждены согласиться на новую цену и с удовольствием ввели Каргу Ефимовну как третьего-степенного персонажа в роман. Её потом, к концу повество-

вания, наш Мирон аккуратненько замочит.

Я решила, что пора сказать пару матерных своей социофобии, и принялась за поиски работы. Белка отговаривала как могла.

– Манька, какой из тебя работник, ты ненормальная! Я сейчас не образно говорю, а констатирую факт. Вот поставит тебе в офисе кто-нибудь пустую чашку на стол, и ты захлебнёшься от панической атаки!

– Бэлл, ну не волнуйся, я с собой всегда бутылочку с водой носить буду. Если какой болван и поставит, я в чашку плесну быстренько.

– Нам надо книгу закончить!

– Ну мне всё равно лучше пишется с тобой в параллели. А ты со следующей недели на госэкзаменах пропадать будешь, да и бабка-йожить в своём фитнесе. Я тоже себя займу чем-нибудь, а то свихнусь в четырёх стенах.

– У тебя сессия на носу! – не унималась Белка.

– Да сдам я, не волнуйся. Я же вундерребёнок с комплексом отличницы. Уже сейчас могу на экзамен.

– Ну даёшь!

– Белка, деньги не помешают.

Белка промолчала. Мы обе вздохнули и обнялись.

Я состряпала резюме, приврала, где не уличат, добавила себе стажёрского опыта, перечислила все языки, какими владела, и разместила на «рабочем сайте», выделив жир-

ным заголовок «Умная. Работоспособная. Гибкая. Быстро учусь. Ищу работу секретаря, переводчика, административного помощника». Едва не удержалась приписать «или штатной ведьмы». Подумала и удалила «умная». Ещё подумала и убрала «гибкая». Это не про меня, это про Белку, она гнётся в разные стороны. Ещё подумала и стёрла «работоспособная». Потому что это ужасающее слово, монстр, канцелярит, а я всё-таки писатель. Осталось лишь «быстро учусь» и перечень желаемых ролей.

К моему удивлению, мне позвонили сразу. Я даже толком не успела разослать резюме на подходящие мне вакансии, пестревшие в сети.

Девушка-эйчар говорила торопливо, в голосе чувствовалось: «Как я от вас от всех устала». После её речитатива о том, какая замечательная у них торговая компания и параллельного расхваливания их продукции (к слову, они унитазами торговали), я получила приглашение на интервью.

«На интервью» – в моём случае означало: пришла в деловом костюме, колготках и лодочках, что последний раз в жизни делала НИКОГДА. Белка посоветовала мне ещё взять кожаную папку и в нужный момент красивым жестом вытащить распечатанное резюме. Я покривилась, но послушалась. В конце концов, у неё больше опыта, а я только уроки по скайпу вела, вот и весь мой рабочий стаж.

Я притащилась в унитазную контору, села напротив девушки-рекрутера, и посыпались на меня вопросы – один эк-

зистенциальнее другого. Такое ощущение, что им не секретарь на ресепшн нужен был, а, как минимум, штатный философ-ментор.

Как я вижу свой рабочий день? А я никак не вижу. Я же и в нормальном офисе никогда в жизни не была. Точнее, заходила в наше издательство, ждала редактора в приёмной. Мне запомнилась их бледная медузоподобная секретарша, у которой было шесть рук, в каждой – по телефону, два огромных монитора перед рыльцем и сугроб бумаг на барной стойке. Барной – мои личные ощущения. Я описала эту сцену рекрутерше, стараясь смягчить умеренным юмором углы и дать ей понять, что я к такому вполне готова. Девица даже бровью не повела.

Смогу ли я соврать клиенту? А легко. Судя по тому, что девица подняла на меня накрашенные глаза, я сообразила, что слишком быстро осчастливила её согласием. Нет, ну мы же все врем по мелочам, а я ещё и писатель (а в прошлом – блогер), мне, как говорится, соврать – что ухо почесать. Я поняла, что сейчас завалю интервью, и принялась рассуждать, что есть ложь во спасение и прочее, и прочее... Где-то на середине моей тирады рекрутерша меня остановила и, подумав немного, сделала контрольный выстрел.

– Кем вы себя видите через пять лет?

Кем я себя вижу через пять лет... Как ей объяснить, что хочу быть деревом с резной выпуклой корой, и чтобы во мне жили два полосатых бурундука – толстый и тонкий, а по

стволу, в районе пупка, вилась живая муравьиная дорожка.

– Я вижу, мой вопрос вызвал у вас затруднения, Мария. Хорошо, тогда через год. Кем вы себя видите через год?

Да боже ж мой! Я пыталась придать лицу понимающее выражение. Мир меняется с катастрофической скоростью ежедневно! Через год, может быть, какой-нибудь Илон Маск запустит в космос прикроватную тумбочку, так вот я хочу быть внутри этой тумбочки, во втором ящичке сверху.

Только бы вслух не сказать!

Я принялась взбивать удобоваримую белиберду, на ходу импровизируя: вижу, мол, себя, только в вашей конторе, которая лет через пять расцветёт аки груша по весне, разбогатеет донельзя, а я буду на любой административной роли, лишь бы с вами. Про то, что хочу жить на литературный труд и вылезать из норы только для того, чтобы погреться на солнышке, я предусмотрительно умолчала.

Девушка покривила губу, что-то написала в уголке моего резюме и сказала, что перезвонит мне.

Но, разумеется, не перезвонила.

В другой офис, откуда ко мне достучался заторможенный мужской голос, меня пригласили только после того, как я заполню анкету о тридцати листах. Я потратила на неё дефицитных два часа, которые могла бы отдать нашему тексту. Чем они занимались, я так и не поняла. Принимал меня усатый дядечка в шикарном кабинете, расположенном посере-

дине грязного склада в Шушарах. Имя-отчество дядечки вытекло из моей головы сразу же, как только он его произнёс. А вот он как раз обращался ко мне по имени и отчеству, особенно, как мне показалось, смакуя слоги на отчестве. Я всегда настороженно относилась к субъектам с растительностью на лице, не встречала среди них ещё ни одного адекватного, взять хотя бы, для примера, моего отчима. А ещё за спиной дядечки-нанимателя громоздился зелёный аквариум, в котором елозил коричневый сом, тоже с усами и таким же индевелым взглядом. Рыба притягивала внимание, и от её движений меня укачивало. Я отвернулась. В этом, наверное, и была моя главная ошибка.

– Вам восемнадцать, Мария Евгеньевна? – сканируя меня, спросил хозяин сома.

– Да, – по-скаутски бодро отчеканила я, удивляясь вопросу: и в резюме, и в анкете стояла дата рождения.

– И у вас за спиной уже несколько лет института и временной работы?

«За спиной» – ужасный штамп. Захотелось обернуться и посмотреть, что там у меня сзади.

– Точно так! – тем не менее выпалила я не моргнув.

– Вы закончили среднюю школу... В году две тысячи... – Его глаза какого-то бежевого цвета, похожие на женские соски, скользили по анкете.

– Да, в шестнадцать лет, – помогла я ему. – Я вундеркинд. Это была моя вторая ошибка.

– Я не хвастаюсь, нет, просто объясняю, почему у меня *за спиной* большой опыт работы. Хотя трудовой книжки нет.

Сейчас, подумала я, он спросит про договоры и налоги, и надо будет врать. Но он не спросил.

– А ваши родители...

– Они живут в Екатеринбурге.

– И как они, Мария Евгеньевна, вас в шестнадцать лет отпустили одну в чужой город?

Зачем ему это знать? Ну отпустили. Мама, думаю, даже рада была, а отчиму вообще не до падчерицы. У меня, дяденька, ого-го какой опыт, о чём я не указала в анкете. Как только я поступила в институт, предки перестали присылать мне деньги, сказав, что я теперь взрослая и должна сама-сама. Пришлось договориться со своей головой и временно задвинуть социофобию в дальний угол. Я и дворником успела поработать, и курьером, и даже хорёк-ситтером. Хорёк-ситтер, если бы ты спросил меня, дяденька, – это такая прислуга, которая ухаживает за хорьком, пока богатые хозяева загорают на Мальдивах. Есть бэби-ситтер, есть дог-ситтер, а я вот была хорёк-ситтером. Тоже профессия, между прочим.

Дяденька пожевал усы.

– Мы пробили вас по своим каналам...

Та-ак! Уже интересно! К чему тогда глупые вопросы?

– Вы пишете книги?

– Есть такой грех.

– А как вы планируете совмещать работу у нас и литера-

турное творчество, Мария Евгеньевна?

Я не ожидала такого вопроса. Литературное творчество... В принципе, всё логично: какой, скажите на милость, вменяемый работодатель согласится взять сотрудника, заведомо зная, что тот будет отвлекаться от основных обязанностей и строчить романчики, причём на хозяйском компьютере. Красть оплаченное время. Я вот, подвернись такая возможность, точно буду.

– Вы понимаете, – начала на ходу соображать я, – творчество требует абсолютной внутренней эмиграции, совмещение литературы и основных обязанностей невозможно в принципе. Я могу вас заверить, что работа никоим образом не пострадает.

Мой собеседник дырявил меня взглядом.

– Забавное у вас хобби.

Меня кольнуло слово «хобби». Хобби, дяденька, это ракушки собирать, а литература для меня – жизнь.

Фу, как пафосно!

– Ну да, хобби, – тем не менее выпалила я. – По воскресеньям. Иногда... Я писатель выходного дня.

Работодатель пошевелил усами, и то же самое сделал сом в аквариуме.

– Попробуем вам поверить. Нам нравится, что у вас несколько иностранных языков. Нам импонирует, что вы закончили школу с золотой медалью. Мы даже можем закрыть глаза на то, что у вас незаконченное высшее образование. Но

нам не нравится, как вы ответили на некоторые вопросы нашей анкеты.

Было не очень понятно, кто это «мы». Он и сом? Или мою анкету читали всем коллективом и заливисто смеялись?

Я задумалась. Там было много вопросов с психологической подоплёкой, а я никогда не знаю, как на них отвечать, поэтому терпеть их не могу ещё с детства. Я доводила нашего школьного психолога до истерики настолько нестандартными ответами, что та посоветовала матери подливать мне на ночь пустырник в пойло – на всякий случай: вдруг угомонюсь, и заторможенность сделает из меня человека.

В анкете же этой фирмы, помимо психозавихрений, типа: «Какие ошибки можно простить, а какие нельзя и почему?» и «В какую эпоху вы хотели бы жить и почему?» (и мои короткие на них ответы: ошибки арифметические, эпоха – древний Рим и игнорирование «почему»), был шедевральный вопрос: «Могу ли я представить ситуацию, когда я смогла бы убить человека». Хмм... Я эти ситуации, к примеру, воображаю ежедневно, потому что мы с Белкой продумываем ходы нашему триллеру. И мне вот любопытно, а что им даст ответ на мой вопрос? И что пишут кандидаты, чтобы попасть на работу? Как же меня бесят копания в закоулках подсознания! Если бы не жгучее желание получить работу, послала бы я таких работодателей куда подальше!

Я оставила этот вопрос без ответа. Прочерк – единственная честная реакция.

– Вы, Мария Евгеньевна, пропустили несколько вопросов. Заполнили тридцать страниц, а у нас тридцать одна.

– Да? – удивилась я.

Для работы в офисе на складе, несомненно, просто необходимо вывернуть своё нутро и обнажиться полностью, а тридцать страниц без одной не покажут целостную картину твоей психики.

– Но это не страшно. – Работодатель пошевелил бровями и усами одновременно. Сом попытался повторить, но вышло плохо: у него не было бровей. – Я задам вам один вопрос устно. Вы не против?

– Не против.

Я стиснула зубы. Опять, наверное, про смерть что-нибудь...

– Какие два предмета вы бы взяли с собой на необитаемый остров?

Он посмотрел на меня, как смотрят на ресторанный чек: внимательно и сухо. Мне до смерти хотелось состричь, что взяла бы рулон туалетной бумаги и бутылку скотча, но я вовремя удержалась: ведь по ответу они будут судить обо мне, сделают свои выводы, непонятно ещё какие. Но мой рот ответил сам:

– Книгу и скотч.

Думала, вот сейчас он спросит, какую книгу, и тут я зависну, потому что нет такой книги, с которой хотелось бы провести четверть века, как Робинзон Крузо, на острове. По-

моему, это подозрительно, если у человека ОДНА любимая книга. Тем не менее, наскоро раскладываю в голове пасьянс: ну кого, кого выбрать? Набокова? Маркеса? Борхеса? Пушкина, наконец? Но интервьюер даже и не намеревался спрашивать про книгу. Может быть, у него сложился в голове собственный пазл: книга (одна) – зачёт.

– Скотч – вы имеете в виду виски, Мария Евгеньевна?

– Нет, – глупо хихикнула я. – Скотч – это не выпивка, это лента такая на рулоне, липкая с одной стороны, там клейкая...

– Я понял, – раздражённо выдохнул работодатель. – Так зачем вам скотч на острове?

Хотелось было рассказать, что идея с виски мне тоже нравится, и, если помечтать, так хорошо было бы длинными вечерами на необитаемом острове качаться в гамаке из листьев агавы, налив в полкокосины янтарного скотча и, глядя на закат, обдумывать новую книгу. Но, посмотрев в его трезвые пластмассовые глаза, я ответила просто:

– Дикарей к пальме привязывать.

– Зачем?

– Мясо ж.

Работодатель откинулся на спинку кресла и кивнул. Непонятно было, согласился он со мной, или же этот жест означал окончание собеседования. Меня даже не угостили неизменным «Вам позвонят». Мы церемонно попрощались, и я вышла, наконец, на свежий воздух. Внутри было паскудно,

во рту долго оставался рыбный привкус, как если бы я съела их сома сырым и даже ничем не запила.

На следующий день мне прислали по электронной почте шаблонный отказ, сообщив, что у них есть кандидат, «более подходящий на заявленную должность».

– Сама виновата, – вдоволь отхохотавшись, заявила Белка. – Ты, мать, давай, не выпендривайся больше. Я бы тебя точно на работу не взяла!

Я дала ей слово больше не выпендриваться, следить за речью и жестами, а богу Стёба кинуть жертвенного агнца где угодно, но не на интервью.

Пару дней я жила в блаженной тишине. На голове клевал темя бройлерный птенец сомнения: может, и не надо, может, к лучшему, сиди дома, пиши книгу, готовься к сессии. Но к сессии я была готова уже давно, всё, что могла, сдала заранее, книга не пишется, а смотреть, как Белка одна крутится, было мне не по сердцу. Да и экономить каждую копейку до смерти надоело. Наконец позвонил знакомый Белкиной однокурсницы и сообщил, что его сестре, работающей в страховой компании, нужен секретарь. Он же швец-жнец и ещё чёрта-в-ступец.

На этот раз офис располагался не на складе в задрипанных выселках, а в помпезном бизнес-центре возле самого Невского. Брат сестры намекнул, что туда надо в строгом деловом

вом костюме и с гладкой причёской. Деловой костюм, в котором я ходила на прошлые два собеседования, у нас с Белкой был один на двоих: юбка-карандаш с жакетом (чёрные, потому что Белкины), моя белая блузка и те же туфли-лодочки, в которых я уже топтала приёмные несостоявшихся работодателей. С причёской пришлось повозиться, но мыло и лак для волос делают чудеса: моё воронье гнездо удалось примять и зачесать в балетную кичку на затылке.

Сестра брата выглядела шикарно. Никаких чёрный верх-белый низ: одета она была в однотонное серое платье прямого покроя с жемчужно-розовым шёлковым платком на шее. Я даже залюбовалась. Она представилась Марианной Витальевной и предложила мне кофе в белой воздушной чашке. Кофе оказался крепким и горьким, а попросить второй кусок сахара я постеснялась.

– Мария Келдыш... Вы случайно не родственница Келдыша?

В каком-то смысле хотелось ответить, что я, конечно, родственница Келдыша, точнее, папаши с такой фамилией. Глупый вопрос.

– Если вы имеете в виду «того самого» Келдыша, то нет. Однофамилица.

Какого именно Келдыша, я не уточняла, их вообще-то много было. И ещё, кстати, Келдыш – кратер на Луне и, кажется, астероид.

– Ясно, – улыбнулась Марианна Витальевна.

Минут двадцать мы беседовали «о погоде», то есть, о чём угодно, но не о работе: о пробках на дорогах, в которых я, как ракушечный домосед, мало что смыслила; об очередях на выставку Репина, куда не собиралась идти; о проблемах мигрантов, где я, по сути, не имела собственного устоявшегося мнения. Возможно, так она прощупывала меня на совпадение ценностей. Наконец Марианна Витальевна приспустила дорогие очки на переносице, посмотрела на меня как-то по-щучьи и спросила:

– А что конкретно вы можете?

– А конкретно всё, – не задумываясь, выпалила я и тоже взглянула на неё загадочно.

– Есть ли у вас опыт ведения протоколов заседаний?

Чуйка подсказывала мне, что надо соврать, но язык снова оказался шустрее:

– Нет. Но я быстро учусь.

– А как бы вы отнеслись к нестандартным просьбам руководства?

Я, как человек литературоцентричный, сразу представила «Пятьдесят оттенков серого».

– Нельзя ли поподробнее? – Я открыла Белкину кожаную папку, где лежал блокнот, вынула ручку и замерла в ожидании Марианнинных комментариев.

Та лишь улыбнулась.

– Ничего противозаконного. Например, кто-нибудь из директоров попросит вас в химчистку сходить. Или купить

корм собаке. Директора – очень занятые люди.

Мой мозг начал работать по привычной для него схеме. Так, что нам даёт эта информация? Что директоров больше одного, что у кого-то есть псина. И что костюмы их пачкаются. И что они, вероятно, засиживаются допоздна и ничего не успевают. Отсюда два вывода: мне придётся засиживаться тоже и выступать в роли прислуги.

– Ну, если просьбы не связаны с детской порнографией и наркотиками, то почту за честь их выполнить, – как всегда удачно пошутила я.

Марианна Витальевна, тем не менее, улыбнулась.

– А почему вы не допиваете кофе, Мария?

Как ей объяснить, мама, что я не могу оставить дно чашки пустым? И всегда закрываю глаза, когда наливаю в неё что-нибудь. У вас – нестандартные просьбы руководства, а у меня – нестандартный заскок.

– О, спасибо. Я постепенно его пью...

– Хотите ещё чашечку?

– Нет, благодарю.

И тут она сделала то, о чем предупреждала бдительная Белка: залпом допила свой кофе и поставила ПУСТУЮ чашку прямо перед моим носом. Я сама виновата: если бы я отказалась от кофе, то, возможно, вежливая Марианна Витальевна не стала бы и сама потчеваться. Я дура, дура, дура, мама!

Дыхание разом перехватило, в горле встала проволочная

мочалка, и подлая струйка пота поползла по позвоночнику. Сердце запустило ржавые поршни, и они задвигались с прогрессирующим ускорением. Я ощутила, как пол уходит из-под ног, а ножки стула, на котором я сидела, сделались мягкими и вот-вот подогнутся подо мной. Я выпятила вперёд нижнюю губу – я всегда так делаю, помогает, – и как ковшом начала захватывать порциями воздух. Представляю, то ещё зрелище!

– Вам плохо? – Марианна Витальевна выпрямилась в кресле и округлила глаза.

– Не-е-ет, – скрипнула я и перевернула её чашку вверх дном.

Это чуть облегчило спазм, но воздуха всё равно было ничтожно мало. Краем глаза я видела, как вытянулось лицо Марианны Витальевны и как она с неподдельным ужасом смотрела на меня.

– Воды? – Она потрогала меня за локоть, и её прикосновение показалось мне жгуче ледяным.

– Да! Нет! Да! Простите! – Я подскочила и пулей вылетела из её кабинета.

В туалете на первом этаже бизнес-центра я медленно приходила в себя. Умыла лицо, жадно выпила воды – прямо из-под крана. Вода оказалась невероятно вкусной. К моей радости, никого, кроме меня, в туалете не было, что странно: народу в бизнес-центре должно быть много. Градом катились

слёзы – от беспомощности и осознания того, что ты можешь рисоваться себе какой угодно: сильной, взрослой, талантливой, но стоит кому-то поставить перед тобой пустую кружку – и ты уже тряпка, кусок ветоши, маленький жалкий бумажный комочек. И ничего, ничего ты не можешь поделать! Тебя подмяли, растоптали, сами того не желая, и твоя жизнь летит ко всем чертям. И так будет всегда, пока ты зависима от своего звериного, тупого и жестокого недуга. Когда-нибудь ты будешь стоять на пьедестале, выиграв сложную гонку, тебе поднесут золотой кубок победителя – а он пустой, пустой, пустой! И ты съёжишься, опустишься на корточки – прямо перед камерами – и заплачешь от собственной жалости к себе. И никакая победа уже будет не нужна. Тебя уничтожили. Точка.

Приняв таблетку, которую всегда ношу с собой в косметичке на такие вот случаи, я села на подоконник и принялась соображать, что теперь делать. Вернуться в офис страховой компании, наврать, что прихватил желудок? Или признаться в панической атаке? В любом случае, собеседование было провалено.

Я покуковала на подоконнике ещё немного, пока не появились туалетные визитёрши, косившиеся на меня с подозрением, и вышла в коридор. Всё правильно. Поделом мне! Не создана я для работы. Надо переходить в надомницы: матрёшек разукрашивать, вязать шапочки, переводить что-нибудь с другого языка, в конце концов. Если Белка меня

не бросит, можно выжить. С будущей профессией социолога надо тоже что-то придумать. Ходить по домам к бабулечкам я не смогу – у них серванты, в сервантах чашки. Но, кстати, есть же социологические опросы, их же кто-то обрабатывает, анализирует, пишет длинные отчёты. Вот этим «кто-то», наверное, я и буду. Никто тебя не трогает, сиди себе в кресле с ногами и строчи на ноутбуке.

– Маш???

Я обернулась. О господи! Только его не хватало!

– Я тебя не сразу узнал. Приветтики.

...Он совсем не изменился. Такой же красивый, подлец. Светлые волосы, глаза синющие. Ещё выше, кажется, или это я уже книзу расту.

Мы с Белкой сотню раз репетировали тот самый миг, когда я увижу его снова. Белка настаивала на том, чтобы обязательно прищуриться, как если бы присматриваешься, и попросить напомнить имя-фамилию.

– Лёша?

Я не была уверена, получилась ли у меня интонация такой, какую мы проигрывали с Белкой. Скорее, наоборот. Я не переспрашивала, просто выдохнула его имя.

– Классно выглядишь! Костюм, причёска... По-взрослому. – Он даже присвистнул.

Я знала, что он лукавит, – я была жёлто-сизая, как будто меня долго душили удавкой и били бутсами по печени.

– Да уж, – с трудом выдавила из себя я. – Красота незем-

ная.

– Ты как здесь оказалась? – Лёшка дотронулся до моей спины, чуть отодвигая меня в сторону от прохода, чтобы выходящий из лифта поток людей не сшиб меня. Эдакий заботливый жест.

Все продуманные диалоги выветрились из головы, а состояние моё было таким, что язвить, а тем более убивать его, совсем не хотелось. Достаточно того, что мы с Белкой в последней книге насадили его на рог единорога (да-да, именно так, как когда-то при Иване IV сажали на кол).

– На собеседование приходила.

– Ух ты! А в какую фирму?

– «Дельта Лайф».

– Страховщики?

– Угу.

– А что у них за вакансия?

– Секретарь со знанием английского.

– Ну и как всё прошло? Возьмут на работу?

– Скорее всего, нет.

– Почему ты так решила?

– Девичья интуиция.

Мы болтали так, как будто и не было этих двух лет, а с ними не было обиды и предательства.

– Да ну тебя! – Лёшка засмеялся. – Ты всегда была перфекционисткой, и оттого пессимисткой. Тебе отказали уже?

– Нет пока.

– Ну и расслабься. Может, возьмут. Не нагнетай!

Он всегда был лёгким, этот Лёшка. За лёгкость я и влюбилась в него. Хотя, конечно, за глаза синие тоже. Когда я описала его в нашей книге, точь-в-точь как в жизни: и рост, и фигуру, и весёлый нрав, и глаза с задорной «хохотинкой», редактор сказала: надо переделать, слишком шаблонный, из бабских романов. А я разве виновата, что он такой на самом деле? Но редактор настаивала, и я ему выбила передний зуб. Он у меня так и ходил щербатый всю книгу, пока не обидел единорога. На этом всё и закончилось.

– Слушай, у меня обеденный перерыв, пойдём в кафе, расскажешь, как живёшь.

– Нет уж, – хмыкнула я. – Никаких кафе.

– Почему? Торопишься?

Он не знал про мой пунктик с чашками, потому что моя крыша поехала сразу после того, как мы расстались. И объяснить сейчас я ничего не собиралась.

– Да, тороплюсь.

– Брось, сто лет не виделась. Пойдём! Я тоже не голоден, у коллеги день рождения, пироги с утра были. Но хоть мороженое съедим. Я вот чувствую, что тебе после этих страховщиков непременно нужно мороженое. Минут пятнадцать, и побежишь по своим беседам.

Чёрт, он умел убеждать.

– Хорошо, – нехотя согласилась я. – Но только, если эскимо. На палочке.

Это чтобы никаких вазочек-креманок.

– О'кей. – Лешка кивнул, и мы направились в крошечный магазинчик, притулившийся тут же, в бизнес-центре, у входа.

Лёшка купил два эскимо и кивнул на белые диваны перед стойкой ресепшн. Я плюхнулась на мягкое сиденье и только тут почувствовала, что меня «отпускает». И голова со сдавленными висками отпускает, и спина, мигом задеревеневшая от спазма, отпускает. И обида на Лёшку тоже отпускает.

– Я слышал, ты ушла из института.

– Ушла. Сейчас в Герцена на соцзащите.

– Нечего себе! Это после примата?

– Жизнь, Лёш, такая.

– А что ушла-то?

Он, похоже, и правда ничего обо мне не знал. И то, что книги пишу, тоже. Впрочем, это только к лучшему.

– А ты сам где сейчас? – Я переключила тему.

– Закончил. Год уже работаю здесь, на шестом этаже. Финансовая компания.

– Бухгалтером?

– Почему бухгалтером?

Мне хотелось его подколоть, но с юмором что-то сегодня неудачно.

– Я нечто вроде финансового аналитика, занимаюсь деривативами. Ты знаешь, что такое деривативы?

– Это выуживание спекулятивной прибыли на изменении-

ях цены базового актива, – автоматом выдал мой мозг.

– Хм. – Лёшка потёр переносицу. – Я забыл. Ты умная. Но вот ты скажи, ты правда понимаешь или просто выдаёшь мне строку из Википедии, как Алиса?

– Какая ещё Алиса?

– Которая голосовой помощник.

Я понимала, что такое деривативы, но не стала его разочаровывать.

– Объясни мне, пожалуйста. Я сказала наугад.

– Ну, в принципе, правильно сказала. Деривативы, – он с удовольствием посмотрел на меня, как на недалёкую блондинку, – это... Ну как тебе объяснить?

– Попроще, пожалуйста, как пятилетнему ребёнку, – подзадорила его я, с трудом представляя, как такое вообще можно объяснить.

– Как ребёнку... ну, попробую. – Лёшкины глаза загорелись. – Вот представь: у тебя нет вагона сгущёнки.

Я представила. Это оказалось легко.

– Во-о-от, – продолжал он вдохновенно. – А у меня нет лимона баксов, чтобы у тебя его купить.

Подыгрывая ему, я захлопала ресницами.

– Ну и так. Я покупаю у тебя сгущёнку, которой у тебя нет, и расплачиваюсь баксами, которых нет у меня. И вот на этом всём мы делаем хоро-о-о-ошие бабки.

Он смотрел на меня с победным задором, ожидая реакции.

– Не может вагон сгущёнки стоять лимон баксов. – Я сделала дебильное выражение лица.

– Да не суть. Смотри...

Лёшка принялся темпераментно объяснять, и я отметила про себя: а с ним никогда не было неловких пауз, с первого дня знакомства. Мы встретились на одной из студенческих вечеринок. Он, студент финэка, пришёл с девушкой, и они поссорились. Точнее, она с ним – громко и некрасиво. Я даже не помню, из-за чего. Лёшка ничего не отвечал ей, пока она брызгала слюной, поносила его, а все вокруг были зрителями. Потом его девушка демонстративно ушла, и он вслед за ней. А на следующий день мы случайно столкнулись у метро, и он так же, как сейчас, сказал мне в спину: «Маш???» И я пропала.

– Знаешь, Лёша, – перебила я его. – Ещё совсем недавно я очень много бы дала, чтобы вот так сидеть сейчас с тобой и ничего не чувствовать.

Он замолчал, посмотрел на меня как-то по-новому. Я сказала правду. Два года я хотела лишь одного – забыть его. Забыть навсегда. И, наконец, мне это удалось.

– Нет, правда. Я ведь умирала от любви к тебе, потом умирала от твоего предательства. А сейчас смотрю на тебя и не испытываю ничего. Ни любви, ни ненависти. Ни-че-го.

Лёшка надул щёки и издал звук лопнувшего шарика.

– Предательства? Мы же цивилизованно расстались. Я не сбежал от тебя, не обокрал, не оскорбил. Не изменил тебе,

наконец. Я объяснил свою позицию. Что всё перегорело. А то, что ты с ней не согласилась, это не моя вина. Я ведь и не обещал тебе ничего. Мы просто встречались. Потом я понял, что нам лучше не быть вместе. Мы же договорились остаться друзьями. В чём предательство-то?

От неожиданности я чуть было не подавилась мороженым. Я совсем не думала о том, что с его колокольни наше расставание может выглядеть вот так. Просто и буднично. Я пялилась на Лёшку и нутром понимала, что он, в общем-то, прав. В нём кончилась любовь, и он ушёл от меня. А то, что я это не приняла, – и правда, мои заморочки. Или я тогда думала, что скажу ему, мол, я против, и он, как послушный зайка, останется? Будет мучиться, терпеть меня, но не уйдёт, потому что я против? Моя беда в том, что я совсем не впускала в голову мысль, что можно отпустить человека, потому что он разлюбил.

– Маш... У тебя такое лицо... Давай не будем, а?

– Нет-нет. Я просто задумалась.

Мысли юркими мальками носились внутри черепа, ударяясь о кость. Чтобы успокоиться, я представила, что на месте Лёши сидит Мирон. И встретились мы не так, случайно, а это самое настоящее свидание. Лавочка в парке, эскимо. А у меня холод и ветер внутри, неважно уже, по какому поводу, и голова раскалывается, и я тыкаюсь пылающей макушкой в его плечо. Он гладит меня, баюкает, как маленькую девочку. И я смелею и целую его в ключицу, туда, где едва заметна

вытравленная татуировка – хвост трёхпалой ящерицы.

– Мне с тобой было хорошо, Машка. Чесслово. Трахаться, и вообще...

Я вздрогнула. Это не Мирон. Это Лёшка.

– Что вообще?

– Собеседник ты.

– Ну да. Не сексом же единым жив человек.

– Не язви, пожалуйста. – Лёшка посмотрел на часы. – Ты вот мне даже не сказала тогда, что тебе пятнадцать. Откуда мне было знать, что ты на первом курсе и несовершеннолетняя? Это статья, между прочим.

– Мне было шестнадцать. Юридический возраст сексуального согласия. Да не важно. Так ты струсил?

Я закусила губу. Зачем, ну зачем я завела этот разговор? Ведь слово себе давала!

– Ничего не струсил. Ты ж... Ну ты никакая не гёрлфренд, тебя замуж надо брать, на руках в ванну с лепестками роз класть нежно, а я не по этим делам. И потом, чувства закончились...

– Да поняла я уже. – Я швырнула палочку от эскимо в высокую урну, стоящую рядом. Промахнулась.

Зазвонил его телефон, лежащий на подлокотнике кресла. Лёшка скривил рожу и, поскольку руки были в шоколаде, ткнул мизинцем в значок динамика. Из телефона полился пацанский голос:

– Привет, мишка, лук там не залез в шорты? Должен же,

вроде, сегодня гэпнуться.

– Не, – ответил Лёшка. – Завтра ждём.

– Оки, – хрюкнул голос и отключился.

– Что это? – засмеялась я. – Вы рэп читали? И почему он назвал тебя Мишей?

Лёшка хмыкнул.

– Вадя звонил. Перевожу. Мишка – игрок на понижение. Я, то есть. И Вадя спрашивает: «Лукойл не в позиции продажи сейчас, ведь их цена снизилась?»

– Да-а-а... – искренне восхитилась я. – Вам бы с Вадей сценарии писать! Так ты на бирже играешь?

– Тешусь. Иногда.

Лёшка сощурился и посмотрел куда-то в даль коридора, откуда не спеша текла горстка офисного планктона. Цокая каблучками, мимо нас прошла Марианна Витальевна и так взглянула на Лёшку, что сомнений не оставалось: они знакомы. Лёшка чуть заметно кивнул ей.

– Эта мадам меня только что собеседовала.

– А, – только и сказал Лёшка.

У двери в кафе Марианна Витальевна обернулась и пристально на меня посмотрела. Я поняла, что если у меня до этого момента и были мизерные шансы получить работу, то вот сейчас они испарились. Совсем.

– Твоя зазноба?

Лёшка не отреагировал.

– Не старовата для тебя? – прыснула я. – Или, обжѐгшись

на мне, ты принципиально перешёл на зрелых дам?

Я тут же себя отругала за язвительность и с досады прикусила губу.

– Во-первых, ей тридцать, и никакая она не старуха.

– Это во-вторых? – сощурилась я.

– Маша, тебе не кажется, что тебя это не совсем касается?

– А в-третьих?

– А в-третьих... Ты стала злая, Маша.

Я встала и, не попрощавшись, пошла к выходу. Злость на себя, на своё глупейшее подростковое поведение жгла горло, переходила в астму, и уже на улице я захлебнулась от кашля. Лёшка догнал меня.

– Извини, если что... – Он подал мне бумажный платок.

– Да нет, Лёш, это ты меня прости.

Он вздохнул и попытался улыбнуться. Получилось кривенько и натужно.

– Я недавно как раз заходил в твой блог. Ты его забросила?

– Есть такое.

– И в сети у тебя страничка пустая. Чем ты вообще занимаешься?

– Книжки пишу.

– Ух ты!

Он сказал это, а сам как будто и не удивился.

– Дашь почитать?

– Не-а.

Я махнула ему рукой и не оглядываясь пошла к метро.

3

Белка кружила вокруг меня, как ворона над чужим гнездом.

– Алехан?! Ты встречалась с Алеханом?!

– Да не встречалась я с ним! А встретилась. Чувствуешь разницу в морфологии глаголов, писатель Закревская?

– Какого ляда ты с этим подонком вообще разговаривала?

– Бэлл, он не подонок.

– Та-а-ак. Что за новости? Когда это Лёха Матвеев успел отбелиться?

– Белка, ну вот ты даже не знакома с ним лично! – Я тщательно подбирала слова, отлично понимая, что сама же навсегда испортила парню репутацию.

– А я и не жажду с ним познакомиться! Ещё чего не хватало!

– Нет, правда. Я наговорила о нём всякого. Я до жути была зла.

– При чём тут «наговорила»? – фыркнула Белка. – А факты?!

– Какие факты?

– Он спал с малолеткой!

– Бэлл, он не знал, что мне шестнадцать.

– Да ладно! «Не знал»! Он, двадцатидвухлетний мужик, с яйцами и волосатыми ногами трахал маленькую девочку и

не знал об этом!

– Да говорю ж, не знал! Я ему свой возраст не раскрывала. А кто спрашивает студентку, живущую самостоятельно, в общежитии, не подросток ли она, часом? Мы никогда и не обсуждали возраст.

– Слушай, Манька, у тебя и в восемнадцать-то грудь ещё не выросла, а в шестнадцать ты вообще плоскодонкой была. Когда мы с тобой познакомились, я б тебе четырнадцать дала. Он что, педофил? Не видел, что ты ещё дитё?!

– Белка, прекрати!!!

Я вспомнила, что в постель мы легли только через месяц после знакомства, и то, потому что я Лёшку на Новый год напоила и совратила. Я была и остаюсь в сто раз испорченнее, чем он.

– Нет, интересно, а что ты его защищаешь? – Белка округлила глаза и дёрнула бровью.

– Я его не защищаю. Просто говорю, как есть. Если б он знал, что я несовершеннолетняя, то сбежал бы от меня сразу же.

– А то, что он сбежал, когда узнал, что ты залетела, плоскодонка как-то иначе характеризует?

– Я не была беременной, Бэлл. Ты же знаешь. Месячные пропали из-за нервяка.

– Да какая разница! Факт остаётся фактом! Он-то не знал, что из-за нервяка! «Это твои проблемы, девочка!» – так он говорил, а? Так?

Я задумалась, пытаюсь выудить из памяти, как я эту историю представила Белке. Сценарий писала моя злость и жестокая обида, только вот, по-честному, так ли всё было на самом деле?

– Бэлл! – Я обхватила голову руками. – Я вспомнила. Нервяк же начался позже, именно потому, что Лёшка бросил меня. Тогда и месячных не стало. И психоз с чашками обострился с удвоенной силой.

– Ну и? – Белка посмотрела на меня непонимающе.

– Ну и... Причина-следствие. Сначала Лёшка ушёл, а потом я подумала, что залетела, потому что цикл прервался.

– А то он от общих знакомых не узнал! Должен был прибежать, приползти назад к тебе!

– Да не было у нас никаких общих знакомых!

Это правда. Мы ни с кем не общались, на вечеринки не ходили. Я ж интроверт, и, надо отдать Лёшке должное, он не настаивал на тусовках, которые любил, потому что мне так было комфортнее. Мне, не ему. Мы сидели вечерами у него дома, ели всякую вредную пищу – крекер и картофель фри, целовались и бесконечно играли в «Диксит».

– Бэлл, он не потому свалил, что я беременна. Если бы он знал, он бы...

– Ой, сейчас у Лёшеньки вырастают пушистые крылья! – язвила Белка. – А что это над башкой светится? Уж не нимб ли? Святой Алехан, поглядите-ка!

– Бэлл, я очень страдала, когда он ушёл. Я ж любила его.

Но вот мы с ним сегодня поговорили, и у меня как пелену с глаз сняли, и пазл сложился в мозгах. Понимаешь, он разлюбил меня. Просто р-а-з-л-ю-б-и-л. Поэтому и ушёл. Не бросил меня по смс, как когда-то тебя твой первый парень, а поговорил со мной. И я сказала: «Вали». Но сердцем не отпустила его.

Я говорила и чувствовала, что сейчас из глаз польются предательские слёзы. Не из-за того, что я вновь переживала Лёшкин уход, а потому, что два года жила, тихонечко проклиная его, навертев до дури всякого к нашей истории, чего на самом деле не было. И чем больше Белка кидала в меня фактом его, Лёшкиного, «подонкства», тем сильнее мне становилось стыдно: ведь, по сути, я сама придумала, выпестовала его подлость, кастрировала его личность в своей голове. А что он сделал, мама? Разлюбил. Поговорил со мной. Просил отпустить и остаться друзьями. А я? Повела себя, как истеричная девочка-тинейджер. Я такая дура, мама.

И тут мне вспомнился одноклассник по имени Виссарион, которого я звала Вискасом. В одиннадцатом классе он был влюблён в меня, осторожно приглашал в кино и просто погулять по городу, я сначала соглашалась, потом он мне надоел, и я так прямо ему об этом и сказала. Мол, Вискас, отвали, я к тебе ну совсем ничего не чувствую. И он послушно отвалил. А я вот сейчас и задумалась: что если он все эти годы так же ненавидит меня, как я ненавидела Лёшку? А почему? Потому что я была с ним честна?

– Какая ты ватная, Машка! Так нельзя. Увидела его вновь и потекла! Где твоя цельность природы?

– Бэллочка, я сегодня про себя многое поняла. Два года жила в ненависти к нему, варилась в собственном соку, питалась жёлчью. А на самом деле всё, всё не так! Почему мы все злобные? Потому что злость – самое дешёвое топливо. На нём «першинги» могут летать. Ты подумай, как мы себе жизнь портим!

– Ох, беда мне с тобой! Надо было нам вместе на твоё собеседование идти. Я б Алехана на пушечный выстрел к тебе бы не подпустила! Чем он хоть занимается?

– Деривативами. Знаешь, что это?

– Что-то деревянное?

– Ага. Как рубль.

Белка не была настроена шутить. Она снова вспорхнула с кресла и принялась кружить по комнате.

– Нет, Манька. Включай иногда голову. Человек принёс тебе много горя. Теперь уже не имеет значения, что вы друг друга недопоняли, и он на самом деле, ах, ах, белый и пушистый. ОН СДЕЛАЛ ТЕБЯ НЕСЧАСТНОЙ! Не хочу напоминать, но два года назад я тебя из такой сточной ямы вынимала – вынимала долго и мучительно. Мань, ты не должна его снова впускать в свою жизнь. Потому что он опять сольёт её в унитаз. Высморкается тебе в душу. Помочится. Да я ему... Я ему в рыло дам, если встречу...

...Мне нравилось, что Белка бесится. В ней клокотала

ревность, в которой она сама бы ни за что не призналась. И, чёрт возьми, мне было приятно. В конце концов, если рассудить, так ведь никто, кроме неё, и не беспокоится обо мне! И очень здорово, что она такая, моя Белочка. Не будь её, мне было бы вакуумно пусто, а это самая сильная стадия одиночества.

– Что ты лыбишься? – Белка остановилась и просверлила меня взглядом.

– Люблю тебя, Бэлл. Не сказать, как!

Она подлетела ко мне и стиснула меня в объятьях. Мне показалось, даже хрустнуло в лопатках.

В этот вечер я напилась. Одна. Втихаря от Белки, потому что сегодня была моя очередь спать на кухне. Я мгновенно захмелела от стакана рислинга, который нам подарил единорожный издатель. Сон снился нервный, рваный, наполовину цветной, наполовину чёрно-белый: как будто каждый кадр снят через фильтр цвета сепии. Мне снился Лёша, стоящий босиком на траве и плачущий. И я пытаюсь подойти к нему сзади, а он ускользает, уплывает вперёд, как на траволаторе: я иду, иду к нему, а он вроде и на месте, но не догнать. Наконец, он делает шаг – и оказывается от меня на сто метров впереди, ещё шаг – ещё сто метров. Я бегу к нему, изо всех сил бегу, на последнем дыхании, а он даже не оборачивается. Потом Лёшка заходит в какой-то дом, и я за ним. Входная дверь захлопывается, и я оказываюсь в полной тем-

ноте. Это не дом даже, а большая перевёрнутая чашка. Пустая чашка!!! Я зову Лёшку, а он кричит мне, мол, ну что же ты, иди, открывай дверь... о господи, опять эта дверь! Надо толкнуть её, за ней свет – вон в щель видно. За дверью – свобода от удушающей темноты и пустоты. Но, как всегда, мне страшно, я не решаюсь прикоснуться к дверной ручке. И, как всегда, на этом самом месте я просыпаюсь. Это к Белке во сне приходят инкубы, жалуются на хтоническую бытовуху и оставляют после себя блюзовое послевкусие и пару длинных волос на её подушке. Так, во всяком случае, Белка объясняет причины своего недосыпа. А я пробуждаюсь загруженной и бланширую в голове тему неоткрытой двери ещё полдня. Тётенки-психоаналитика на меня нет, не к ночи будь она помянута!

Я села на раскладушке, потёрла спину. Сейчас самое время пожалеть себя, но я себя почти ненавидела. За два года обида на Лёшку высосала из меня много хорошего, если предположить, что хорошее во мне было, в чём я не совсем уверена. Наивная юная девочка Маша влюбилась. Бывает. Парень покрутил с ней амуры и свалил. Тоже бывает. А наивная девочка Маша взлелеяла злость на него и превратилась в ядовитого покемона. В принципе, не я первая, не я последняя. Перешагнуть бы и двигаться дальше. Ан нет. Дурочка Маша всё муссирует и муссирует эту тему, и вот появляется Лёша, и она понимает, что не такая он мразь, каким рисовал его больной мозг. Обыкновенный парень Лёш-

ка. Среднестатистический. Деривативами занимается. Молодец. Прямо добрый молодец. Коня белого не хватает. И обида Машина сама собой сдулась, написалась в мозгу со строчной буквы, и мозг нажал Ctrl+Alt+Del. Отпустило. А стало ли Маше хорошо? По книге бы стало. А в жизни нет. Сразу пустота. Жертвой быть очень клёво. Обида была частью Маши, и без неё так хреново! В этом-то и есть её остров одиночества, мама. Последний кусочек суши, мама, ушедший из-под пяток.

Лёшка не был моим первым мужчиной. Дефлоратором (Белкино выраженьице) оказался мальчик из танцевальной студии, куда «по благу» записал меня дядя Паша, чтобы, наверное, я меньше торчала дома. Мы сделали ЭТО из юннатского интереса. Его звали Рустам, и для пятнадцати лет он был довольно крупным, широкоплечим, даже симпатичным, но невысокого роста, отчего, подозреваю, сильно комплексовал. Впрочем, на популярность среди девчонок рост не влиял: с ним кокетничали и ровесницы, и те, кто старше. Мне тоже было пятнадцать, но между мной и Рустамом было два класса разницы: я тогда уже была в выпускном. Подозреваю, это обстоятельство и заставило его проявить ко мне интерес. Я оказалась довольно неуклюжей для латинских вертялых па, и Рустамчик вызвался помочь, предложив после урока пойти к нему домой. Я знала, что там, у него дома, всё и произойдёт, но внутренне мне было всё равно: чем раньше, тем

лучше, думалось мне. Вот мои немногочисленные школьные подружки хотели, чтобы первый раз был по большой и светлой любви. И что? У всех до одной получилось иначе. Так какая разница?

Я помню о том единственном свидании с Рустамчиком только какие-то обрывки. «Можно, я не буду снимать лифчик?» – «Как хочешь, заяц». – «Давай в темноте?» – «Как хочешь, заяц, я только телефоном подсвечу». – «Давай, без пальцев, а?» – «Как хочешь, заяц». Его заклинило на этой фразе. Он волновался, тяжело дышал, как старый соседский спаниель Тишка. Я, наверное, рулила. Да. Было хирургически больно, но больше противно. Когда я почувствовала мокрое, стекающее по моим ногам, я испугалась, что меня вырвет. В этот момент его победный вопрос о том, понравилась ли мне, вызвал у меня гомерический хохот. С тех самых пор я ненавижу, когда меня называют каким-нибудь животным. За киску и рыбку могу вообще укусить. А для того, кто неосторожно назовёт меня зайцем, заготовлен каскад особо изощёренных огорчений.

К слову, в студию танца я больше не пошла. И Рустама с тех пор не видела. И хорошо. Лёшка же ни о чём меня не спрашивал. Думаю, о существовании девственности в природе ему вообще ничего не известно.

Голова раскалывалась. Чтобы как-то заполнить себя, опустевшую после мутного сна, я открыла ноутбук, зашла на

страничку Мирона и обнаружила, что у него сегодня день рождения! Четыре утра. Самое время поздравить. В четыре открываются какие-то иные порталы. Ночь уже безысходна, держится на паллиативе, а утро ещё не занялось, лишь приготовило литургию и ждёт дозволения расправить затёкшие от комы суставы. А позволение медлит. Пустота невестомости. Наш екатеринбургский сосед, водитель «скорой», рассказывал, что больше всего вызовов к покойникам у них именно в четыре утра. И голод особенно силён в четыре. И одиночество, да, мама. В четыре оно невероятное, объёмное, картинка 4D. В четыре утра в твоей голове стучат копытами кони четырёх всадников твоего персонального апокалипсиса. 4D: жизнь Дерьмо, будущее Деструктивно, на картах Долгая Дорога.

Дорогой Мирон. Мы незнакомы, ~~но я уже давно люблю~~ Вае (зачёркнуто). Вашим рождением Вы осчастливили, думаю, многих. Ваших родителей, Ваших близких (зачёркнуто), друзей. И меня. Я счастлива, что могу сказать Вам это, и знаю: мои слова Вы обязательно прочтёте прежде, чем удалить. Я, наверное, первая, кто написал Вам, ~~в четыре утра~~ нормальные люди обычно спят (зачёркнуто). Я не сплю, я люблюсь Вашим фото, заглядываю в Ваши глаза. Мой удивительный, мой прекрасный! С днём рождения! Будьте счастливы!

Написала, перечитала. Нет, я, разумеется, не собиралась отправлять ему это, просто захотелось увидеть, как текст, об-

ращённый к нему, появляется на экране. Чёрные буквы на белом фоне. Написать – наполовину прожить историю, как если бы письмо было послано адресату взаправду. Зависая над собственными словами, я вдруг с ужасом осознала, что одно неловкое движение – и кнопка «Отправить» будет нажата. От ужаса меня пробил шаблонный и ненавидимый всеми редакторами *холодный пот*. Но, клянусь, он был именно холодным. Пока мои шаловливые пальчики не пнули ненужную клавишу, я поспешила всё стереть. Вот забавно ведь: пишу иногда языковую прозу, как выразился наш издатель, а простое поздравление сочинить не могу. Лезет в голову какая-то бабская слюнявость. «Мой удивительный». Позор! За такое поздравление (даже в мыслях) следует сжечь все книги, которые я успела написать, и поставить на очередь в топку те, которые умудрюсь написать в будущем.

Я до крови закусил губу – так было стыдно перед самой собой, потом подождала, пока часы покажут четыре пятнадцать, и напечатала: «Мирон, с днём рождения». Захлопнула ноутбук и рухнула на подушку доедать остывший сон.

* * *

...Он смотрел на Катю прямо, немного щурясь от света лампы, отчего глаза его казались совсем узкими. Щёлочки-амбразуры. Восточный демон.

– Ты меня боишься?

– Нет, не боюсь.

– Тогда пойдём?

– Куда?

– Всё-таки ты меня боишься.

Мирон протянул руку.

– Ну же.

Она осторожно коснулась кончиками пальцев его ладони.

Он медлил, ожидая от Кати действий.

– Да не боюсь я тебя, правда! – Улыбнувшись, она слегка сжала его руку.

Пальцы ощутили горячую шершавость обветренной кожи, и Катя подумала, что она, конечно, неврастеничка: человек, обладающий такой ладонью не может причинить ей никакого зла.

Они пошли по длинному узкому коридору. Старый линолеум под ногами местами пузырился, напоминая выступающие позвонки какого-нибудь доисторического ящера. И сам дом походил на вымершее существо: сколиозная спина-коридор, лапы-комнаты, чешуйчатые обои, отходящие от стены. Сколько же лет здесь не было нормального ремонта? Пусть никто и не живёт, но если дом достался Мирону в наследство от умершего деда, и продавать он его не собирается, то почему бы не убрать хотя бы деревянный лом в гостиной?

Они прошли мимо старой кухни, и Катя на секунду остановилась, почуввав чуть уловимые запахи еды. И кофе. Да, со-

всем вскользь, едва слышимый полутон, но это кофе, сваренный в турке, уж Катя не спутает его ни с чем другим! Тем более что у неё с детства аномальное обоняние.

– Ты говорил, что дом пустует два года?

– Да, а почему ты спрашиваешь?

– Остался запах кофе.

– Тебе показалась. Тут много запахов. Сырое дерево, старый обойный клей, прогнившая бумага, шторы на окнах.

– Но сырость не пахнет кофе.

– Не выдумывай. Мы с тобой на заправке пили эспрессо, наша одежда пропиталась его запахом.

Мирон обнял её за талию, и Катя сразу забыла обо всём. Он не целовал, нет, просто зарылся лицом в её волосы, коснулся носом уха. Катя не знала, как реагировать, лишь чувствовала, что уплывает куда-то. Сейчас отключить бы голову и позабыть обо всём в его объятьях. Но настёрный мозг продолжал работать, как хорошо смазанный поршневой механизм. Ясное осознание того, что дом обитаем, держало нервы натянутой тетивой, и Катя могла бы поклясться: к слабому отголоску кофе примешивался запах чего-то... чего-то медицинского. По коже сразу пошли мурашки, Катя мягко отстранилась от Мирона, вдохнула ноздрями воздух и укрепилась в неприятной и странной мысли: да, лекарство, снадобье, его приготавливали в кухне на газовой горелке.

– Горелку тоже не включали два года?

– Я же тебе уже ответил.

Улыбка его стала мягче, а глаза похолодели. Катя вдруг ощутила, как крепко он держит её запястье.

* * *

Утренняя Белка кружила по кухне, пытаясь вспомнить сразу несколько важных вещей, забытых за ночь: куда ей надо было ехать к девяти – в институт или в спортклуб, когда сдавать зачёт, где она умудрилась потерять проездной, и как растянуть саспенс в пустом доме на целую главу и не надоест читателю.

– Мне не нравится этот твой кусок с заброшенным домом. – Она шустро пролистывала текст на экране монитора. – Надо сильнее, понимаешь? Чтобы страшно сначала было читателю, а потом уже нашей Катюхе.

– Чтобы страшно было читателю, надо, чтобы сперва страшно было писателю, – вздохнула я. – А мне не страшно. Ни капельки.

– И потом... – Белка будто не слышала меня. – Маня, ты уходишь в литературу. Я про эпизод с дорогой и поломкой автомобиля.

– А мы, на секундочку, не литературу пишем?

– Прекрати. Я имею в виду, языковую литературу. Метафоры у тебя, конечно, классные, но... Не надо этого. Драйв тормозит.

– Ну... – Я осторожно взглянула на неё. – Я сокращу. Там и так всего пара абзацев.

– И вообще...

Она остановилась, явно выбирая слова, чтобы меня не обидеть. Я слишком хорошо знала это её выражение лица.

– Слезогонку когда будем вводить?

– Я уже не уверена, что надо.

В Белке жили и здравствовали наши драконы и единороги. Она мыслила их категориями, а мне очень не хотелось, чтобы наш роман оказался их клоном, пусть и без фэнтезийного элемента.

– Описание тут уберём, лишнее. – Она удалила кусок текста, который с муками дался мне сегодня ночью.

У меня даже дыхание перехватило: я ведь нигде больше его не сохранила. Что с Белкой? Раньше она такого не делала, была крайне деликатной с тем, что я пишу. Я слабо попыталась протестовать.

– Ерунда, – бросила Белка, – нигде ты его потом неставишь. Плохой кусок.

Я почувствовала, что защемило внутри, как если бы мне без спроса отрезали мизинец: зачем он нужен, если ты печатаешь не вслепую, а в носу ковыряешь другим пальцем? Дело не в том... Дело не в том... Это мой текст... Никто не может... Это же вопрос ментальной тактики...

Я закашляла, и даже мысли запрыгали обрывками фраз, будто тоже зашлись в приступе кашля.

– Глотни воды, – спокойно сказала Белка. – Да! И у нас нет названия романа.

Эта была правда. В самом начале, когда нам только пришла в голову идея написать психологический триллер, мы накидали несколько вариантов названий, но ни одно не подходило.

– Может быть, хм-м-м... «Нарушая запреты»?.. – Я попыталась представить, как название будет выглядеть на обложке.

– Фу, кака.

– «Мёртвый сезон»?

– Было сто раз. И в кино тоже.

– Знаю, – вздохнула я. – А сама что думаешь?

– Я? – переспросила Белка, как если бы на кухне был кто-нибудь ещё. – Не ведаю. «Тьма на ладони» мне нравится.

– Есть такой роман у Иори Фудзивары.

– Это кто? – Белка округлила глаза.

– Японский писатель.

– Господи, всё время забываю, что ты у нас знаток-что-где-когдист.

– А... – Я задумалась. – «Правило...» Правило чего-нибудь. Надо додумать.

– Неплохо. – Белка на ходу одевалась и заглывала бутерброд. – Цепляет. «Правило глубокой заморозки». Нет. Нет! Правило... Додумаем, ладно, я побежала.

Она сунула в рюкзачок планшет и, помахав мне, выскочи-

ла из кухни.

Закрыв за ней дверь, я села за компьютер. До моего урока английского по скайпу оставался час, можно было написать что-нибудь или убрать квартиру. Но я прокрастинировала – как всегда, когда Белка уходила. В эти моменты, мама, мне особенно пусто. Так удивительно, что существует человек, который тебе настолько близок, что может заполнить весь твой мир без остатка. Я жила с этим чувством два года и едва могла понять, как так сложились звёзды, что Белка вошла в мою жизнь. Мы ведь не были однокурсницами и вообще в институте не пересекались. А блогерш много. Я бы жизнь за Белку отдала. Вот пофантазировать: если бы пришёл фашист, приставил к виску пистолет и сказал: «Выбирай, твоя жизнь или Белкина». «Белкина!» – не задумываясь, ответила бы я фашисту. «И от литературы бы своей могла отказаться?». «И от неё!» – на выдохе вылетело бы из моего рта. Он, фашист, знает, что без литературы я зачахну. «И от Мирона?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.